

КАРИНА
ДЕМИНА

КИЦХЕН
ОТПРАВЛЯЕТСЯ
СЛУЖИТЬ

Кицхен и другие

Карина Демина

Кицхен отправляется служить

«автор»

2026

Демина К.

Кицхен отправляется служить / К. Демина — «автор»,
2026 — (Кицхен и другие)

Кицхен дэр Каэр по жизни не повезло. С одной стороны угораздило родиться девицей. С другой - с даром некроманта. А всё почему? Потому что папенька, видите ли, фею разозлил. Сын ему нужен был. Наследник. Сыновей у него теперь четверо. Только способности родовые достались дочери. А с ними - и своеобразный характер. Ну и почётное право послужить Короне где-то там, в Приграничье. Заодно за братьями присмотрит, чтоб не натворили чего.

Содержание

Глава 1 В которой читатель становится невольным свидетелем некоего крайне приватного разговора	5
Глава 2 В которой зреет заговор	9
Глава 3 Повествующая о некоторой специфике провинциального бытия и отношениях между соседями	15
Глава 4 Где речь идёт о сложностях покупки сапог и семейной истории	22
Глава 5 Немного о свободе творчества и делах былого	28
Глава 6 Кое-что о спасении девиц и ответственности перед оными	33
Глава 7 О феях, жёнах и глобальной справедливости	38
Глава 8 В которой история получает развитие и в прошлом, и в настоящем	44
Глава 9 Кое-что об эльфийских девах и законах	49
Глава 10 Кое-что о прошлом	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Карина Демина

Кицхен отправляется служить

Глава 1 В которой читатель становится невольным свидетелем некоего крайне частного разговора

*Максим только сейчас осознал, что его беспокоило. Пиццы не поют.
О том, как важно обращать внимание на детали*

Хорошее вино заговору не помеха. Но сейчас герцог Аллен ат Доннах, наполнив бокал, сдвинул его на край стола.

– Вот здесь, – палец его прочертил на карте окрестность. И пышное кружево манжет легло, прикрывая очерченную область вуалью.

– Уверен? – его собеседник склонился ниже, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Был он простым капитаном, пусть даже и гвардии, что в принципе позволяло многое. Даже иллюзию дружбы с сиятельным герцогом. Однако Даглас Маккинзи разницу в положении осознавал. И не позволял себе лишнего. В целом он был человеком в столице относительно новым, однако весьма деятельным. А также понимающим и своё место при дворе, и выгоду от дружбы с некоторыми людьми. Что, собственно, и помогло ему получить чин менее чем за три года.

– Абсолютно. Старик не стал бы врать единственному сыну. Не на смертном одре, – герцог убрал руку, дав возможность Дагласу ознакомиться с картой. Тот не спешил, позволяя хозяину взять паузу. Но когда та стала слишком уж явной, позволил себе выразить сомнения.

– Не знаю, не знаю. С чего он тогда молчал столько лет кряду? Если всё так, как ты говоришь.

Карта заняла почти всю столешницу. Один её край был придавлен серебряным кувшином, другой – надкушенным яблоком. Ну а с противоположной стороны встал тот самый кубок.

– Клятва мешала. Но я знал, что ты мне не поверишь. И он знал, что я буду сомневаться. Поэтому сберег кое-что помимо слов. Вот.

Мешочек, сшитый некогда из драгоценного бархата, поистрепался, местами ткань полысела, а золотые нити шитья и вовсе поблекли.

– Возьми, взгляни, – палец герцога, украшенный перстнем, собранным по нынешней моде из трёх тонких колец, подвинул мешочек к собеседнику. – Честно говоря, я сперва тоже не слишком поверил, но, как говорится, против такого...

Веревочка, затягивавшая горловину, поддалась не сразу. Да и края ткани ссохлись, точно не желая выдавать содержимое. Но стоило встряхнуть мешочек, как из него выпали камни. Два – размером с горошину, а третий и вовсе с голубиное яйцо. На первый взгляд камни показались мутными кусками стекла, но стоило взять один в руку, как внутри вспыхнули искры.

– Это же... – Даглас Маккензи вовремя прикусил язык. Пусть в гостиной и было пусто, как и в огромном особняке ат Доннах, но иные слова не стоит произносить.

Даже шёпотом.

– Тише, – поморщился хозяин дома. – Не вслух.

– Но... Спаситель милосердный, если так, то...

– Это он с собой прихватил. На память. Ну и так-то... – хозяин дома сгрёб камни в мешок и руку протянул. – Не бросать же их там.

Маккензи с камнем расставаться не спешил. Он встал, поднёс его к пламени свечи, позволяя тому почти растворить стеклянную муть. И камень, вбирая тепло, снова менялся, окрашиваясь янтарной желтизной. Стало быть, истинный, не алхимически восстановленный.

– И что... он вот так? – голос предательски дрогнул. – Столько лет просто знал? Знал и всё?

– Они с напарником клятву принесли. Что вернуться вместе или будут молчать до конца дней. Вместе не вышло.

Герцог слегка поморщился, будто досадуя на этакую глупую клятву, которую умудрился дать его ныне покойный батюшка. Или скорее на самого батюшку с его упорством. Любую клятву можно обойти при желании. Но старый герцог ат Доннах был прямолинеен.

И взгляд на вещи имел особый. Что и стало причиной его разногласий с сыном.

– Он и молчал, пока близость смерти не ослабила узы. Да и после говорил неохотно. Хотел, чтобы я передал находку короне... идеалист.

Это прозвучало ругательством. Даглас наклонился и подул, наполняя камень силой. И та ушла, легко, без сопротивления. Стало быть, и чистота высочайшая.

– И нет, я не собираюсь совершать подобную глупость. Если уж нам выпал счастливый случай, то следует им воспользоваться.

– А...

– И не заставляй меня жалеть, что поделился, – герцог отобрал камень и, крутанув в пальцах, кинул в мешок. – Успокойся.

– Но...

– На вот, выпей, – в руки сунули бокал вина. И Даглас послушно осушил его, заодно унимая предательскую дрожь в руках. Камни. Да самого маленького из них хватит, чтобы выкупить отцовские земли, да и на ремонт поместья останется, как и на покрытие долгов, которые понаделал Кевин, и на приданое сестрёнкам останется. – Старик был уверен, что где-то там есть жила. Камни они нашли на берегу реки.

Теперь Даглас смотрел на карту совершенно иначе.

Она давала... надежду?

– Видишь? Здесь уже не горы, но ещё и не равнина. С этого края подступают болота, но не вплотную, рельеф всё же скалистый. Река пробирается, – палец скользил вдоль рисованной линии. – Через земли рода Каэр и вот тут, в заливе открывается море...

Его голос был совершенно спокоен.

– А они точно не знают? Извини, но звучит фантастично, – теперь капитан разглядывал карту крайне внимательно. Первый шок отступил, вернув способность мыслить здраво. – Столько лет жить и не догадываться?

– В том и дело, что там фактически никто и не жил. Скорее всего сама жила находится где-то в земле, возможно, вдоль берега реки, а та периодически меняет русло. Да и берега размывает. Отец считал, что там всё одно к одному сложилось. Сперва взрыв, потом оползень. Добавь магов. Река тогда окрестные земли едва не затопила. Вот и вынесло камушки, что водой, что взрывом. Они с напарником их и нашли чуть ниже по течению от места, где старая усадьба стояла. Но разведку никто толком не проводил. Поверь, о такой находке при дворе точно услышали бы.

В словах герцога была своя правда.

– Каэр не из тех, кто в земле копается. Наоборот, потомственные военные. Были. Знаешь, как мой старик там оказался?

– Откуда? – Даглас, конечно, старался быть в курсе происходящего при Дворе, но дела столь откровенно давние его не интересовали.

До сегодняшнего дня.

– Отправили. Расследовать гибель почтенного семейства Каэр. В своё время громкое дело было. Тогда как раз третья Танерийская шла. Уже пару лет как шла. Их армия увязла на Аркайской дуге, дважды пыталась прорваться, что через горы, что через побережье, но не получалось. У нас не хватало сил полностью их отбросить. Так и бодались. И танерийцы решили, что надо как-то ситуацию изменить. К примеру, устроить диверсию на наших военных складах. Видишь, река к морю выходит? Сама она довольно мелкая, но при этом на лодках подняться можно. Если вот сюда, – палец ткнул в поворот, – то как раз на Грузев тракт выходишь.

– А оттуда до столицы два дня пути, – Даглас Маккинзи кивнул.

– Именно. Со стороны моря там подход неудобный, рифы, мели, но если найти толкового лоцмана и время подгадать, то до берега добраться можно. Танерийцы и добрались. До берега, потом по реке пошли. А старое поместье Каэров как раз на реке и стояло. Им бы пройти тихонько, но то ли кто-то из Каэр заметил неладное, то ли сами танерийцы решили не оставлять свидетелей. Старик предположил, что решили проверить, как сработает легенда про торговцев. Но что-то пошло не так.

Даглас слушал внимательно.

А палец герцога продолжал рисовать круги на карте.

– В той бойне весь род и полёг. Включая жен, детей, двоюродных родичей и кошек с собаками. А потом сам дом рванул и так, что всю округу трянуло. Танерийцев на месте положили, но...

– Память героям, – Даглас Маккензи осенил себя крестным знаменем.

Его дядя так и остался где-то там, меж Зеленых холмов, среди прочих, кто отдал жизни за страну. И потому слова были искренними.

Сочувствие тоже.

Герцог кивнул и откликнулся:

– Память. Из всего рода Каэр в итоге остался лишь младший сын, и то, потому что в гвардии служил. В столице находился. Уже к самому завершению расследования и прибыл. Ему потом торжественно медаль вручили, за заслуги рода перед короной.

Прозвучало насмешливо и вместе с тем горько.

Медаль хранилась и в доме Маккензи, а вот наградную саблю с золочением пришлось заложить, когда он, Даглас, решил отправиться в столицу.

Саблю. Дедовы часы и мамины золотые серьги, доставшиеся ей от прабабушки. Как раз хватило на коня и снаряжение, и подарок старому знакомому дядюшки, чтобы поспособствовал.

К счастью, окупилось.

– Тогда его и от службы освободили, велел срочным порядком возродить былое величие рода.

– Погоди! Этот тот, который...

– Который воспользовался древним Кодексом и взял себе нескольких жён, – герцог наклонился и, подняв с пола опустевшую бутылку, сделал глоток прямо из горла.

– Точно! – воскликнул Даглас. – Нам же рассказывали. Приводили примером юридического казуса, того, как древнее право вступает в конфликт с действующим законодательством.

Он осёкся. Бравому военному не пристало тратить время на лекции по юриспруденции, даже если читают их в королевском университете.

– И ничего, – герцог вытер губы и скривился – вино попало на кружева. – Скандал в своё время вышел изрядный. Многие возмутились, однако Каэру было плевать. Он удалился в поместье, где и жил себе в окружении трёх жён.

– Сразу трёх, – Маккензи представил себе трёх красавиц. Если бы кто-то сумел заглянуть в его голову, кто-то, знакомый с высшим светом столицы, он бы, пожалуй, удивился, узнав среди красавиц двух фрейлин Её Величества и волоокую графиню Мирц, собственно, полу-

чившую титул не так давно. По официальной версии за заслуги перед королевством, по неофициальной – за заслуги, но уже исключительно перед Его Величеством. Герцог, явно догадывавшийся о чём-то этаким, а может, имевший собственное представление о том, какими должны были быть жёны, криво усмехнулся и продолжил:

– Первая, с которой он, собственно говоря, сочетался браком буквально за месяц до всей этой истории, весьма скоро его покинула. Случился ещё один скандал, который едва не вылился в войну с родом Танар, ведь леди приходилась герцогу ат Танар племянницей.

– Но обошлось?

И странно. Род Танар гордый, если не сказать, горделивый. А тут такое оскорбление.

– Да. Танар решили, что не хотят воевать с некромантом.

– Что?!! – кубок едва не выскользнул из рук. И герцог поглядел с упрёком.

– Успокойся. Я разве не сказал? Некромантия – это родовой дар дэр Каэр.

Новость Дагласа не обрадовала. Настолько, что на карту он взглянул уже без былого огонька в глазах.

– Отчасти поэтому они и получили титул Владетелей. И право на земли. Помнишь? Как там в Кодексе? Пока не угаснет огонь дара, – герцог произнёс это с раздражением. – А он того и гляди угаснет. Смотри, всего у старика пятеро детей. Если верить Бархатной книге.

Герцог пошарил под столом и вытащил ещё бутылку, которую и протянул Дагласу.

– На, выпей вот лучше.

Отказываться Маккензи не стал. Некромант. Не то, чтобы он и вправду полагал их проклятыми, поскольку даже Святая Церковь давно уже признала, что нет никакого проклятья, а есть лишь воля Всевышнего, пусть и выраженная недоступным для человеческого разума образом. И вообще, лучше уж родные некроманты, чем танерийские богоотступники с их упорным нежеланием признать Ютланский канон и, что куда важнее, главенство Архиепископа Юта.

Но всё-таки.

Всё-таки репутация у некромантов была своеобразной.

Крайне.

И этот факт заставлял нервничать.

Маккензи пригубил вино, покатав на языке, пытаясь сосредоточиться на оттенках вкуса, но вместо бархатистого букета ощутил лишь вязкость и кислоту.

– Старший Каэр преставился в прошлом году, – продолжил его собеседник. – Однако незадолго до этого призвал поверенного, а тот засвидетельствовал, что дар не угас. Что по крайней мере один из наследников обладает нужной силой. Собственно, к нему, согласно Кодексу, и перешло право Земли и Меча.

– И кто теперь там главный?

– Кицхен дэр Каэр, – это имя хозяин произнёс на распев. – Он же единственный некромант в выводке. Опять же, если верить Бархатной книге.

Не верить Бархатной книге, в которую вносили имена всех благородных особ, причин не было. Но что-то всё-таки смущало.

Правда, Маккензи, сколь ни пытался, не мог понять, что именно.

Глава 2 В которой зреет заговор

*Идеальный баланс, этанол гармонии
Из описания одного крайне полезного алхимического зелья.*

– И ты думаешь договориться с ним? Или просто выкупить землю?

– Родовые вотчины? – герцог поморщился. – Нет. При всём желании не получится. Я тут попробовал разузнать, тоже сперва подумывал через продажу, но шансы невелики. Каэр как убрался из столицы, так и засел в своей глуши. Про него и помнят-то исключительно из-за той истории с женитьбой. Ну и характер тоже. Но кое-что выцепил. Каэры повёрнуты на всех этих старинных обычаях. Они и в жизни, если верить слухам, руководствуются скорее Кодексом, а не законом.

– Ну, на самом деле они во многом совпадают. Но это так... – Маккензи снова замолчал, поскольку излишняя осведомлённость в вопросах права могла быть истолкована неверно. Герцог лишь отмахнулся.

– Так, да не этак. В любом случае, предлагать им расстаться с родовыми землями смысла нет.

Да и денег тоже.

И у Маккензи, поскольку жизнь младшего сына мелкопоместного барона изначально не предполагает богатств. А уж с учётом того, сколько раз отец закладывал поместье, то просить его о помощи бессмысленно. Но денег нет и у герцога. Даглас уже понял, что здесь, в столице, и герцоги бывают нищими.

Даже если делают вид, что это не так.

– Мы поступим иначе. Смотри, – из-под стола появились листы, свёрнутые трубочкой. – Выписка из Бархатной книги. Итак, в третий месяц лета у благородного Каннахо дэр Каэр появились на свет дети. Карлайл дэр Каэр дат Танар, Киньяр дэр Каэр, Киллиан дэр Каэр, Кицхен дэр Каэр и Киара-эль-Лин дэр Каэр. Чтоб... он их как щенков в поме́те называл? На одну букву?

Сравнение было грубым, но самому герцогу явно понравилось. Он даже хохотнул, и Маккензи вежливо улыбнулся, показывая, что шутку оценил. Впрочем, занимало его иное.

– Постой, – Даглас перехватил листы. – Так. Карлайл понятно, он из Танаров. А у остальных матери кто?

– Вот! – герцог поднял палец. – Соображаешь. Матери не указаны, следовательно, не из родовитых. Купчихи, мещанки... поговаривали, что вовсе трактирную девку подобрал, но это как-то совсем уж.

Имена.

И даты. Действительно, дети появились на свет в один месяц.

– Сам подумай, кто из действительно благородных людей отдаст свою дочь второй или третьей женой? Это немислимо. Но нам на руку. Значит, никто за наследством не сунется. С Танарами, как я узнавал, был оформлен развод, а ещё дополнительное соглашение. Ребенок по закону остался с отцом, соответственно, Танар не имеют на него никаких прав. Девушка и вовсе, судя по приставке, альвийских корней, а те в дела людей не суются и улюдков не жалуют.

– Странно...

– Что?

– Имена – понятно. Даты. Отметки есть, что дети одарены.

Следовательно, сила им досталась, если не некромантическая, то какая-то иная. Но почему нет конкретной информации, какая именно?

– Кодекс, – откликнулся герцог. – Кодекс уравнивает Владетелей с особами королевской крови. А те имеют право сохранять тайну дара. Думаю, он и некроманта указывать не стал, если бы Кодекс позволял. Заметь, освидетельствование проводилось.

Отметка об этом наличествовала, как и имена трёх свидетелей, в присутствии которых Кицхен дэр Каэр явил свой дар.

– Но и только.

Действительно, запись на диво краткая. Дар был явлен. Способности подтверждены. И только. Но ни слова о силе этого самого некроманта.

– Но и плевать. Не важно, кто там, от кого и когда родился. Нам нужны не они. Нам нужна она, – палец ткнул в другое имя. – Смотри. Согласно Кодексу, род считается угасающим, если в нём остался один мужчина моложе двадцати лет. И до недавнего времени Каэр подпадали под правило, но в прошлом месяце им всем исполнилось двадцать.

– И что?

– И то, что они больше не могут прятаться за Кодексом. А по закону у нас что?

– Что? – Даглас потёр лоб. Было неприятно вновь ощущать себя недостаточно сообразительным.

– То, что любой человек, благородного рождения, при наличии у него дара, достигнув восемнадцати лет обязан поступить на военную службу. И год своей жизни отдать Короне, – герцог скривился. Воспоминания о службе, надо полагать, у него были не самые приятные.

– Точно! То есть ты хочешь...

– Услать всю эту четвёрку подальше, – он обвёл имена пальцем. – В конце концов, закон един для всех, а право на отсрочку они утратили. Так что пусть отправляются...

– В гвардию? Думаешь, тут его уговорить?

– Не думаю. Гвардия нам совершенно не нужна. Вот.

Поверх первой карты легла вторая.

– Видишь?

– Танерийский хребет?

– Именно. И вот, – палец накрыл собой кружок.

– Таут-ан-Дан? Серьёзно?

– Именно. Крепость славная, но старая, если не сказать, древняя. Не так давно комендант сменился.

– Гаррах, – Даглас кивнул. Это имя он слышал. Да и про крепость говорили, не сказать, чтобы много. Так, очередная сплетня. – Его же за растрату собираются судить, кажется?

– Не кажется. Но суда не будет, просто удалили на заслуженный покой. Родственники вовремя заступились, – ат Доннах прижал край карты кубком. – Но нам это даже на руку. Сейчас там молодой выскочка из новых баронов. Шлёт депеши, требует усиления. Вот и откликнемся. Усилим. Сразу четырьмя магами. В том числе некромантом.

Звучало солидно.

– Тем паче туда направляется и Тринадцатый Иберийский. Так что выглядеть будет всё вполне логично.

– Его ж выбили весь, – Даглас начал понимать замысел. И тот ему не понравился.

– Не весь. Знамя сохранилось, десятая часть состава тоже. Значит, формально полк существует. Поэтому реформировали. Пару десятков перевели из других частей, догнали до номинальной численности новобранцами.

Коменданту этой крепости гость от всей души посочувствовал. Этакое усиление только на бумаге смотрится солидно. Хороших людей по своей воле никто не отдаст, так что наверняка переводили тех, кто или ничего не стоит, или сам по себе является проблемой. А новобранцы – это и вовсе одна сплошная головная боль.

– Теперь вот и магов добавим, – это герцог произнёс с чувством глубокого удовлетворения.

– Погоди. Ты же не думаешь, что они там просто будут сидеть?

– Не будут, конечно, – фыркнул хозяин. – Даже если захотят. Найдётся занятие, поверь. Даглас замер.

Слухи, конечно, ходили разные. Но это лишь слухи. Каждый год вон предрекают возобновление старого конфликта. А то и полновесную войну, но ат Доннах не тот человек, чтобы в расчётах опираться на слухи. И он, понизив голос, произнёс:

– Танер готовятся. На сей раз всерьёз. И есть основания полагать, что основной удар или один из главных будет направлен именно сюда.

Горный хребет разрезал белое полотно карты, змеёй протянувшись от одного угла к другому.

– Если всё так, – Маккензи карты не касался, но смотрел, пытаясь понять, как надлежит поступить. – Тогда надо что-то делать. Предупредить. Предпринять.

– Мы и предпринимаем. Успокойся. Те, кому нужно, всё уже рассчитали. Танерийцев будут ждать, но внизу. И не сейчас. Если начать манёвры, они поймут, что мы знаем. И затаятся. Или вой подымут, что мы их провоцируем и угрожаем, а они лишь защищаются.

Маккензи скривился.

Политику он не любил. Политиков тоже, но жизнь такова, что, если у тебя нет ни денег, ни связей, но лишь долги, поневоле приходится разбираться и в политике, и в политиках.

– А нам нужно, чтобы ударили они. Газеты подымут вой. Представь заголовки. Героическая крепость пала. Подлый враг нанёс коварный удар и всё такое. Это заставит народ возмущаться, а Парламент прислушаться и увеличить финансирование. А то в последнее время пошли разговоры, что, дескать, слишком много на армию уходит, вот пусть и посмотрят, как оно бывает. Более того, мой бедный наивный друг, я скажу так. В этой игре мы не игроки. Нет. Мы просто имеем доступ к полю и некоторым фигурам, чем и можем воспользоваться себе во благо. Дэр Каэр будут героически сражаться, в чём я ничуть не сомневаюсь с их-то повёрнутостью на Кодексе, и погибнут. От всего рода останется лишь прекрасная тэра.

– Уверен, что прекрасная? – раздражение из голоса убрать не вышло. Да и в целом говорить было сложно. Всё-таки, в отличие от герцога, Даглас Маккензи не успел ещё обзавестись плотной бронёй нездорового цинизма.

И вся его натура требовала действия.

– Надеюсь, что прекрасная. Исключительно из любви к тебе.

– А при чём тут я?

– Вот... подходим к самому интересному. Да ты пей.

Даглас сделал глоток. Вино показалось до отвращения кислым, он с трудом заставил себя проглотить его, и улыбку выдавил.

Что он может сделать?

Предупредить?

Кого?

И как?

Да и смысл, если герцог говорит правду, то командование в курсе, но... там тоже хватает политиков. И его, Маккензи, быстро заткнут.

– Его Величество милостив и в целом склонен проявлять о подданных. Иногда. В данном случае проявит. И направит на земли Каэр гвардейскую сотню. Для охраны земель, раз уж защитники их отбудут. И Под твоим командованием.

Даглас вовремя прикусил язык.

– Если мы договоримся, то приказ ты получишь буквально на днях.

А если нет?

Хотя... холодный взгляд герцога заставил придержать вопрос. Аллен ат Доннах не привык к отказам. Тем паче такая откровенность не подразумевала отказа. Нет, отказать Маккензи может.

Если рискнёт.

Но вряд ли в этом случае он доживёт до утра.

– Расквартируетесь неподалёку, там есть городишко какой-то. Места тихие, жизнь спокойная. Провинция-с... и блистательный столичный кавалер – это именно то, что нужно одинокой заскучавшей от этого спокойствия тэре.

Блистательным себя Даглас не ощущал. Как и столичным.

Более того сейчас впервые за долгое время он задумался, а не бросить ли всё это. Мысль о возвращении домой показалась вдруг невероятно притягательной. Правда, потом пришло понимание, что возвращаться будет некуда, потому как, если он не отправит в ближайший месяц сотню золотых на погашение долга, то дом отберут.

Мать и сестёр выселят.

Нет.

На это он не имеет права.

– Хочешь, чтобы я её соблазнил? – произнёс он, стараясь заглушить тоску.

– Хочу, чтобы ты на ней женился, – сказал герцог. – Но сперва можешь и соблазнить. Так оно даже надёжнее будет.

И логика его понятна.

После смерти братьев тэра унаследует все земли, точнее Даглас, как её супруг. А дальше можно будет спокойно искать жилу и начинать разработку.

Хороший план.

Замечательный даже. Только...

– Почему я? – спросил Даглас Маккензи, спиной ощущая подвох. – Ты ведь и сам можешь... блистательный герцог – это куда более интересная партия, чем какой-то там младший сын барона.

Заодно и добычей делиться не пришлось бы.

– Так-то оно так, – герцог скривился и, отобрав бутылку, сделал глоток. – Но... боюсь, я уже помолвлен.

– Поздравляю! – Даглас несколько растерялся. – Когда ты успел?

– Да... позавчера. Сподобился... объявления пока не было.

И слухов тоже.

Интересно. Очень даже.

– И кто та счастливица?

Выражение лица герцога было мрачно. Кажется, грядущая свадьба его не радовала.

– Элоиза Макклох.

Имя ни о чём не говорило.

– Новая фрейлина Её Величества, – добавил герцог, кривясь ещё больше.

И надо полагать, новое увлечение Его Величества? Высказывать предположение Даглас не стал, но герцогу слова были не нужны.

– Ты всё верно понял, друг мой... я имел неосторожность проиграться, и оказался в положении крайне затруднительном, которое мне и предложили поправить, дав своё имя и титул бедной прекрасной сиротке. А поскольку предлагал Его Величество, то, как понимаешь, отказать я не мог... свадьба состоится через месяц.

– Сочувствую.

– Не стоит. Это всё временные трудности, – он бросил взгляд на карту. – Но ждать мы не можем. Девушке Каэр уже двадцать, а это уже довольно много. Каэры не так, чтобы богаты, но

какое-никакое приданое дадут. Странно вообще, что она ещё не помолвлена, но такой шанс упускать нельзя. Так что надо действовать. Итак, ты в деле?

Вопрос повис в воздухе. И тот стал вдруг тягуч, что сироп. Пламя свечей присело, потом вытянулось, выпуская тонкие струи дыма. На языке появился характерный кислый привкус.

– А если... если жилы нет?

– Это, конечно, будет печально. Но ни ты, ни я ничего не теряем. Наоборот. Ты в любом случае останешься в выигрыше. Получишь девицу эльфийских кровей, с ней – поместье и земли, а их у Каэр немало. На худой конец, если девка симпатична, привезёшь ко двору. Его Величество любит этакое... странненькое. Так что с лёгкостью обменяешь жену, не знаю, на титул там или... сам придумаешь.

Лицо закаменело. И улыбнуться не получилось.

Чтоб их всех тут... Как-то там, дома, служба представлялась Маккензи иной. Почёт, уважение и никакой вот этой мерзости. Впрочем, кто его спрашивал.

Ладно, жениться ему всё одно надо, он и приглядывался, честно говоря, но не так это и легко, найти невесту с приданым, если у самого за душой ни гроша.

Может, что-то и выйдет.

Да и... в конце концов, он ведь не собирается обижать девицу, красивая она там или не особо. И уж тем более он не из тех, кто со спокойной душой обменяет жену на королевские милости. Об этом и думать мерзко.

– Киара, – произнёс он имя, привыкая. – Киара Маккензи...

Неплохо звучало.

А если всё и вправду получится, то... Впрочем, об этом думать пока было рано.

– Не боишься, что обману? Женюсь на девице, найду камни, – Даглас сказал именно то, что должен был. И герцог ответил улыбкой:

– Что ты, как я могу усомниться в моём дорогом друге...

Прозвучало с искренним возмущением.

Вот как у них тут выходит? Будь Даглас понаивней, он бы поверил и в улыбку, и в возмущение.

– Однако, надеюсь, мы оба понимаем, что такой союз... нуждается в определённых гарантиях.

– Конечно, – согласился Даглас. – Клятва?

– Приятно иметь дело с разумным человеком. Даглас, ты не поверишь, как тяжело в столице найти кого-то, кто способен думать... – герцог перевернул кубок и встряхнул. Остатки вина алыми каплями разлетелись по карте. Клинок поднял с пола, вытер о сюртук и первым вспорол руку. Алая капля упала на дно кубка.

– У меня свой, – Даглас воспользовался ножом, пусть не таким роскошным, как этот, увитый серебряной лозой, но куда более надёжным.

Во всяком случае этот точно не смазывали хитрым ядом.

И проклятье не цепляли.

В теории.

Герцог понимающе усмехнулся.

– Взрослеешь. Учишься... это хорошо. Очень хорошо. Мне нужны не просто верные люди. Мне нужны сильные и умные верные люди...

Кровь смешалась с кровью. И вспыхнула, принимая искры силы. И снова Даглас ощутил, насколько он, дома гордившийся своим даром, слаб по сравнению с истинным аристократом. Но для клятвы хватило бы и малости.

И хватило.

Герцог первым заговорил, а Дагласу оставалось повторять слова. Стандартные. Союз. Верность. И с каждым произнесённым становилось жарче.

Сила откликнулась.

Сила принимала. И сила запоминала сказанное. Она же не позволит обмануть.

Старик ат Доннах не просто так молчал столько лет.

– Вот теперь совсем хорошо, – герцог лизнул кончик серебряного клинка. – Теперь мы друг с другом связаны, Даглас Маккензи... до самой смерти.

Прозвучало обещанием.

– Надеюсь, она не скоро ещё разлучит нас, – Даглас сумел изобразить улыбку. Пусть и получилось не так хорошо, как у герцога. Но тот рассмеялся.

– О да, мой друг... о да... на эту жизнь у меня большие планы. И поверь, тебе в них отведено весьма важное место.

Почему-то это не обрадовало.

– А если... – он попытался заглушить голос, нашептывавший, что именно сейчас, ввязавшись в эту историю, Даглас совершил самую большую ошибку в своей жизни. – А если они справятся? Всё-таки маги... четыре мага – это сила.

– Это сила, когда сила, – герцог подкинул на ладони мешочек. – Эти же... говорю, я пытался узнать хоть что-то. Но о них вообще ничего не известно. В имперской школе они не обучались, про университет и говорить нечего. Никто из них даже не пытался поступить. А почему? А потому, что сила та существует исключительно номинально. Так что не волнуйся, друг мой. План надёжный. Главное, девицу не упусти.

Глава 3 Повествующая о некоторой специфике провинциального бытия и отношениях между соседями

*Моей мечтой было оказаться на святом балу. Передвигать
конечности в счёт музыке.
О некоторых сложностях светского бытия*

Тем временем где-то в провинции

Истошный свиной визг, раздавшийся где-то совсем рядом, разрушил мой такой замечательный полный покоя сон.

– Сволочи, – сказала я, хотя вряд ли могла быть услышана, и перевернулась на другой бок. И голову сунула под пуховую подушку, для надёжности придавив её рукой.

Бесполезно.

Визг раздался снова. И было в нём что-то такое, насмешливое, издевательское даже.

– Киц! – в окно что-то бахнуло. – Вставай! У нас тут...

Свинья.

У них там свинья. Снова. Стекло, приняв удар, зазвенело, но выдержало. Папенька ещё при жизни все окна заменил на зачарованные. Дорого, конечно, стало, но с учётом специфики нашего семейства окупилось.

Поэтому я лишь покрепче зажмурилась, заставив себя считать до десяти. Сейчас свинью прогонят, во дворе воцарится тишина, и я усну...

– Киц! – дверь с грохотом ударилась о стену. – Там... там такое!

– Опять? – я приподняла подушку, очень надеясь, что вопроса хватит, дабы выразить всю глубину моих чувств, равно как и моё желание вступать в диалог.

– Ага! – сказал братец и подушку отобрал. – Ты нам нужна!

– Я спать хочу!

Нет, я знала, что Киньяр не отстанет, но попытаться всё-таки стоило.

– Не время для сна, – произнёс Кин с обычной своей мрачной патетикой. – Враг на пороге!

– Это свинья.

– Это совершенно точно враждебно настроенная свинья, – мне протянули халат. – Она хитра. Изворотлива. Он. Потому что формально это кабан. Но всё равно половая его принадлежность не отменяет факта агрессивного поведения...

– Кин.

– Что?

– Я тебе говорила, что ты зануда?

– Сегодня ещё нет.

– Тогда считай, что да.

Тапочек обнаружился под кроватью. Один. И почему-то пожёванный. Странно, потому что собак в доме не было, и вообще никого, кто посмел бы жевать мои тапки. А нет, точно. Это грыхл кладбищенский, которого я вчера притащила в лабораторию, а он сбежал.

Почти.

Грыхла я в конечном итоге отыскала, но тапки пали в неравном бою с нежитью. Жалко. И пол холодный. И желание вернуться в постель, которая в отличие от пола, была тёплой, лишь крепнет с каждой секундой.

– Твой задумчивый вид заставляет меня предположить, что ты не рада пробуждению.

– Такому – нет, – я потрогала пол стопой. – А ты...

– Мама запретила пользоваться огнём в доме, – сказал Киньяр.

И правильно. Это я спросонья просто.

– Но увидев в коридоре твой тапочек, я закономерно предположил, что и второй может быть испорчен. А отсутствие обуви делает невозможным твоё присутствие во дворе. Поэтому я взял на себя смелость одолжить тебе сапоги, – он продемонстрировал пару роскошных белоснежных ботфортов, украшенных шитьём и крохотными бантиками. В центре каждого бантика блестел камушек.

Вся эта красота сияла и переливалась.

– Карлуша тебя приберёт, – я подавила зевок и почесала ногу о ногу.

На сей раз в свином визге мне почудился смех. Отчётливый такой. Издевательский. Надо будет напомнить соседу, что закон запрещает использовать демонов в химерологии.

Или не надо?

Ему тоже, если подумать, найдётся, что напомнить.

– Киц? – Киньяр не собирался уходить. – Ты нам нужна.

Я всем нужна.

Но...

Чтоб, вот почему у Карлуши нет просто сапог? А главное, почему из всего выводка братьев только у него размер ноги совпадает с моим?

– Ладно. Я сейчас приду. И это, не пускайте её в палисадник.

– Его, – поправил брат. – Это кабан.

– Всё равно не пускайте. Я сейчас... – я подняла ботфорт, пытаюсь понять, как это вообще носят. – И пошли кого к соседу.

– Уже, – теперь в голосе Киньяра появились трагические ноты. – Он скоро прибудет.

Ясно.

Поэтому меня и разбудили. Свиныя ладно, со свинной они бы справились в конечном итоге. Но вот сосед – это совсем другое дело. Чтоб вас всех...

– ...а я вам говорю, что в следующий раз Киньяр из этой твари шашлык сделает! – нервический голос Карлайла доносился со двора.

Значит, дэр Туар изволил прибыть. Один. И судя по виду, спешил. Треугольная шляпа слегка съехала на бок, а кружевное жабо, которому надлежало возлежать поверх изумрудного сюртука, выглядело растрёпанным, а частью и вовсе откровенно мятым.

– Утро доброе, – сказала я, изо всех сил пытаюсь сдержать зевоту. А ведь хотела лечь спать пораньше, вот прямо сразу по возвращении.

Только кто ж знал, что сперва эта тварь сумеет вырваться. А потом ещё спрячется и так, что два часа угробила, пока нашла. Настроение с недосыпу было не лучшим, а потому на мрачный взгляд дэра Туара я ответила собственным, не менее мрачным. Отчего сосед несколько растерялся. Не настолько, чтобы отступить, но треуголку, украшенную роскошным пером, поправил.

– Что тут происходит? – голос тоже сделался несколько хриплым.

А ведь матушки предупреждали, что весна обманчива, и земля на кладбище холодна, и надо одеваться потеплее или хотя бы плащ брать. Особенно, если собираешься лежать в засаде.

Надо.

Теперь очевидно, что надо.

– Вот! – Карл вскинул ладонь и голос его дрогнул. – Посмотри! Посмотри, что она устроила!

Вторая его рука указала на газон перед домом. Точнее то, что ещё вчера было газоном. Теперь на ровном зеленом полотне его появились ямы и холмики вырытой земли, пара канав, больше похожих на окопы, и ручей. Ручей пробивался из-под корней старой сосны, которая опасно накренилась, намекая, что у неё возраст и вообще она не прочь бы прилечь. Можно

сразу на крышу особняка. Ручей же полз, размывая чёрную землю и клочья травы, вынося и то и другое к белоснежным дорожкам.

– Чтоб... – я даже растерялась, не зная, что сказать.

И поглядела на соседа.

– Это не свинья! – возопил Карл, ощутив нужный настрой аудитории, и руку, главное, театрально вскинул, прижал ко лбу. Вот не знаю, что именно он соседу демонстрировал, свою эмоциональную травму или свежее кружево манжет. Подозреваю, что последнее, поскольку рукой братец и потряс, чтобы кружево, нашитое в три ряда, распушилось. – Это порождение тьмы! Отродье демонов!

– Хрю, – сказали ему в ответ, и тварь поспешно спряталась за массивную фигуру хозяина. А дэр Туар расправил плечи, заслоня питомца.

– Наглый оговор! – поспешил заявить дэр Туар и руки на груди скрестил, и ногу выставил, всем видом своим демонстрируя решимость. – Мой кабанчик не мог сотворить такого!

– Хрю-ю-ю! – подтвердил кабанчик, высывая морду с другой стороны.

– А кто тогда?! – Карл снова взмахнул руками и крохотные колокольчики, нашитые на рукава его утреннего сюртука, отозвались нежным звоном.

– Кроты? – после секундной паузы предположил дэр Туар и чуть нахмурился. Даже кружевное жабо тронул, проверяя, достаточно ли красиво лежит.

А свин, которого кружевная война обошла, снова хрюкнул, радостно ухватившись за предложенную версию.

– К-кроты? – Карл даже заикаться начал. – Вы предполагаете, что какие-то кроты могли сотворить... сотворить вот это?

Он указал мизинчиком на испорченную лужайку. И в подтверждение его слов, сосна протяжно заскрипела и наклонилась ещё немного. Так, надо или Киара искать, или валить дерево в другую сторону, чтоб потом не заниматься ремонтом крыши.

Крышу было жаль.

Сосну тоже. Она тут росла, если не с незапамятных времён, то достаточно долго, чтобы мы к ней привыкли.

– А вы предполагаете, – насмешливо ответил сосед, пинком выталкивая свина вперёд, – что это мог сотворить вот этот бедный кабанчик?

Кабанчик сжался, явно уменьшившись в размерах, и вид приобрел весьма жалкий. Спина его выгнулась, под кожей проступили позвонки и рёбра, повисшие уши накрыли глаза.

И из пасти донёсся жалобный вздох.

– Вы посмотрите на это невинное создание! Разве возможно представить, что сил обычного крохотного поросёночка...

– Так, стоп, – я поняла, что ещё немного и не выдержу. Да ещё и сапоги эти дурацкие.

По размеру вроде подходят, но носы у них узкие. И каблуки ещё имеются. Вот на кой Карлуше сапоги на каблуках? Он и так ростом выше всех, а туда же...

– Карл, ты видел, как он копал?

– Да.

– Ты? – я повернулась к Киньяру.

– Да.

– Видите, два свидетеля.

– Это сговор! – сосед явно не собирался уступать. – И что они могли видеть? Что свинья ковыряется в кем-то разрытой яме? Это её естественное поведение. Я так и скажу на суде.

– Формально он прав, – Киньяр дёрнул за рукав, привлекая внимание. – Сугубо юридически мы не присутствовали во время совершения преступления, а потому не сможем подтвердить, что видели, как свин нанёс все существующие повреждения, что может быть интерпретировано...

– Кин, помолчи, а? – я прищурилась.

– Видите?! Даже в вашей семейке есть кто-то благоразумный! – сосед наклонился, прикрепляя поводок к шлейке. – И я вам скажу, что он прав! Всецело прав! Если дело дойдёт до суда, то я скажу, что да, мой бедный поросёнок сбежал. Это случается с животными. Верно?

На Скотину намекает?

– И обнаружился у вас.

– Хрю, – свин даже кивнул.

Или примерещилось?

Нет, тут определённо без химерологии не обошлось. И без демонов. Потому что размеры этого поросёнка категорически не увязывались с масштабом разрушений.

– А вы, вместо того, чтобы оказать ему, несчастному, помощь, накормить, пригреть...

– Хрю-ю...

– Устроили травлю! А теперь и обвиняете невесть в чём.

От возмущения Карл дар речи потерял.

– В конце концов, если несчастная животинка и копнула раз-другой, то что с того? Это же естественно для свиньи – копать!

– Хрюк!

– И мы должны относиться к природным потребностям с пониманием!

– С пониманием, значит? – переспросила я.

Сам дэр Туар на свинью не походил. Скорее уж в облике его проглядывали лошадиные черты, свидетельствовавшие о подлинном аристократизме и хорошей выдержанной крови.

– Знаете, я рада, что вы так думаете! – я изобразила улыбку, правда, похоже снова получилось как-то не так, если дэр Туар вздрогнул. Вот матушки говорили, что мне нужно тренировать улыбку.

И манеры.

И вообще...

– Да? – осторожно поинтересовался сосед и отступил.

– Именно! Я ведь придерживаюсь того же мнения! Ведь кто мы такие, чтобы идти против природы? Чтобы ограничивать этих созданий? Лишать их необходимого?

Дэр Туар чуть нахмурился, а его свин уставился на меня с подозрением. Причём судя по выражению морды, эта тварь действительно прекрасно всё понимала.

– И теперь, когда мы с вами достигли полного консенсуса...

Братья тоже отступили, но в другую сторону.

– ...я смогу, наконец, предоставить свободу Скотине!

– Что?!

Ну зачем же так орать? Я уже проснулась.

– Ведь все животные равны, разве не так? – поинтересовалась я и свину подмигнула. – Если ваш питомец имеет возможность гулять на свободе, то почему я должна ограничивать своего несчастного коня, душа которого томится в неволе...

На этом воображение иссякло.

С недосыпу, не иначе.

– Знаете, – произнёс сосед с неприкрытой обидой в голосе. – Это, право слово, уже чересчур. Ваш конь... это ж не конь! Это исчадие бездны!

– Знаете, ваш свин тоже не подарок.

– Хрю?

– Клевета, – произнёс дэр Туар. – Вы только взгляните...

Я взглянула. Отчего бы не взглянуть, если всё одно подняли и возвращаться в постель смысла нет. Тем паче обед скоро.

Я подавила зевок.

Свин скукожился, стараясь выглядеть меньше, но хозяин дёрнул за шлейку, заставляя приподнять голову.

– Оцените! Какая статья!

– Эм... извините, я в свиньях не очень разбираюсь, – призналась я.

Теперь с укоризной посмотрели все, сосед со свином – поскольку явно полагали, что любой приличный человек просто-таки обязан был разбираться в свиньях, братья – потому что беседа сворачивала куда-то не туда.

Так, ругаться с соседом смысла не было. Это мы оба понимали.

– А разве он не должен быть... ну, слегка побольше? – уточнила я, и вправду разглядывая чудо, если не природы, то природы и магии. – В смысле, потолще? И круглее? И почему у него такие уши?

Уши были лопушистыми и, выгибаясь, почти ложились на глаза свина.

– И ноги?

Ноги тоже выделялись. Тощие, длинные и мускулистые.

А вот харя была самой что ни на есть свинячей. Вытянутой, с круглым розовым пятком и крупными ноздрями, что раскрывались и закрывались. Кончик пятка заострялся и приподнимался, а из него торчал пучок волос.

– Это такая порода, – дэр Туар потрепал свина по голове и уточнил. – Я надеюсь. Пока, к сожалению, удалось получить только вот его, но у нас ещё всё впереди.

– Ага, – только и сумела выдавить я, прикидывая, пора ли возводить по границе земель ограду. И какую ставить, чтоб точно выдержала.

Но соседу хватило и малости.

– Я давно увлекаюсь свиноводством, как вы заметили...

И рукой махнул, с таким видом, будто разрытая лужайка – это величайшее достижение его жизни.

– Поскольку полагаю, что человечество не в полной мере реализует свинский потенциал.

– Я бы поспорил, – произнёс Карлайл, разглядывая ногти, – как по мне свой свинский потенциал человечество реализует в полной мере.

– Потенциал свиней! Поверьте, я знаю, о чём говорю!

– Хрю! – заверил его свин и кивнул.

– Эти животные умны! Сильны! Выносливы! Они бесстрашны, в конце-то концов...

Да, именно эта конкретная тварь явно ничего не боялась.

– Обладают тонким нюхом, но увы, сложившиеся стереотипы мешают людям быть объективными, – дэр Туар поскрёб свина за ухом. – Мой Бесстрашный докажет всем, что за свиньями будущее...

– Даже спорить не стану, – проворчал Киньяр.

– Смейтесь, смейтесь... я понимаю, – дэр Туар расправил плечи. – Я многое выслушал, когда пытался представить комиссии свой прошлый проект. Эти глупцы и слушать не захотели. Конечно... как же... боевые кабаны и современная армия... а что у них шкура такая, что не всякий снаряд возьмёт, ярость, свирепость... клыки... нет, это не важно. Ведь свиньи же...

Обида его была ещё жива.

Мне даже стало жаль соседа. Немного. Не настолько, чтобы взять и отпустить. Нет, Киара, конечно, лужайку выровняет, хоть и ругаться станет матерно, но это ж не повод ещё прощать! Когда Скотина розы сожрал, сосед, небось, полную стоимость треклятых кустов требовал.

Так что пусть теперь сам платит.

– Но теперь мы покажем... мы докажем...

– И что за порода? Будет, – уточнил Киньяр, явно тоже соседу сочувствуя. В глубине души.

Он у нас вообще очень нежным уродился.

– Порода? Ах да... пока над названием думаю, но по сути... – дэр Туар приосанился и, выдохнув, заявил. – Перед вами, дама и господа, борзой свин!

От этого заявления оторопели все, даже свин.

– Он быстр и нюхлив!

– Простите, но такого слова нет, – с обычным своим занудством произнёс Киньяр.

– Слова нет, а нюх есть! Я скрестил нихарского нюхача и шайтарскую верховую породу...

– А есть верховые свиньи? – Карлуша отвлёкся от разглядывания ногтей.

– О, говорю же, это удивительные животные... и да, есть. Они обитают на шайтарских плоскогорьях, в суровых условиях, где не выживают лошади. И местные используют их для верховой езды. От них у моего красавца стать и скорость.

Да, скоростью тварь обладала изрядной.

– А от матери – удивительно тонкий нюх. Нихарские нюхачи обладают отличным обонянием. Их выращивают для поиска трюфелей, чем он, собственно, и занимался.

– На нашем газоне? – уточнила я.

– Он ещё маленький и не сполна освоился... просто копает, это у него от ирдушских диких рудокопов...

Я переглянулась с братьями. Надо же.

– Инстинкты... просто инстинкты... не думайте, я оплачу неудобства. Просто вот... переволновался слегка, – сосед отёр лоб белоснежным платком. – Знаете, каково это, проснуться и узнать, что твоё дитя сбежало...

– Молчать, – Карл пнул Киньяра, который уже раскрыл рот, явно собираясь задать неуместный вопрос.

– ...паразит, свиновод, напился, забылся и бросил беднягу без присмотра. А тот, верно, испугался.

– Хрю-ю, – в свинском голосе послышались жалобные ноты.

– Видите... бродил, ходил... набрёл на вас. Инстинкты взяли верх, вот он слегка всё и попортил...

– А зачем, – нарушил молчание Киньяр. – Скрещивать верховых с нюхачами?

– Как зачем? Порой в поисках трюфелей приходится преодолевать многие мили. Это весьма утомительно. Да и сами нюхачи – порода до крайности изнеженная. И трусоваты весьма. Поэтому и с ними сложно работать. А мой борзой свин будет быстр и стремителен! Эти сильные ноги понесут его по лесам и горам, по-над оврагами и пропастями...

Морда у свина вытянулась.

– Нрав и упорство не позволят отступить перед трудностями.

И ещё больше вытянулась.

И не только у свина.

– А при необходимости, он и груз возьмёт, и человека даже. Это весьма удобно.

Свин хрюкнул и присел.

– Вы только представьте себе перспективы! Ни один трюфель не скроется от него! Да что там трюфель! Свиньи весьма умны и при должном обучении мой борзой свин сумеет догнать и загнать зайца! Лису! Волка!

Свин попытался заглянуть в глаза хозяину, явно пытаясь понять, не шутит ли тот.

– Он станет верным спутником любого охотника! И даже если человек заблудится, то мой борзой свин выведет его к жилью. А в пути будет добывать пищу...

Пасть приоткрылась, но и только. Кажется, от этого заявления сам свин потерял дар речи.

– Это в теории. Как понимаете, пока вот... работаю, – завершил сосед скромно. И махнув рукой, сказал. – Вы тогда счёт за попорченную лужайку пришлите управляющему. И тварь вашу выпускать не надо... я только-только три куста высадил. Из Ижена заказывал.

– Ага... – выдавила я, глядя в спину соседа. Тот удалялся неспешно, как и подобает урождённому герцогу. А рядом, присмирив и явно задумавшись над собственным будущим, трусил борзой свин. Коляска ждала их в начале аллеи, чтобы унести если не в светлое будущее, то хотя бы в соседнее поместье.

– Знаешь, что меня удивляет, – произнёс Карлайл, потеряв тряпицей ноготь. На бледно-розовом лаке поблескивала, выложенная камушками, лилия.

– Тебя что-то ещё удивляет? – отозвалась я и всё-таки зевнула.

– Да. То, что странными соседи считают нас.

Глава 4 Где речь идёт о сложностях покупки сапог и семейной истории

Девушка с волосами цвета весеннего возрождения пятнадцать лет сидела за столом и что-то писала.

История о запредельном человеческом упорстве

– Вы издеваетесь? – Киара окинул лужайку и прикрыл очи. – Что вы с ней сделали?

– Это не мы! – Карлайл присел на камень и полировал ногти тряпицей. – Это борзой свин дэра Туара. Новая порода. Очень перспективная. Планирует завоевать весь мир.

– Кицхен?!

– Что я? Я тут так, дремлю, – я проморгалась, поняв, что и вправду придремала. А почему бы и нет? Дерево было твёрдым и тёплым, солнышко пробивалось сквозь ветви и грело, а не жарило.

Комары и те звенели нежно, убаюкивая.

– Это и вправду свинья, – сказала я. – Сосед выводит новую породу. То ли для поиска трюфелей, то ли чтобы зайцев загонять. Или волков. В общем, по-моему, он и сам пока не решил. Но за лужайку счёт выставить надо будет. Киара, поправишь? А то матушки того и гляди вернутся. А тут этакое... и дерево опять же того и гляди свалится.

Киар перебрал платиновую косу за спину и шагнул к несчастному дереву. Тонкие пальцы его коснулись коры.

И братец поморщился.

– Кицхен...

– Поняла, поняла. Ухожу, дабы не смущать твою тонкую натуру.

– Смущаешь не ты, а твоя сила, и не натуру, а мою магию... эта погань подрыла корни!

Ничего, дорогая, мы восстановим, – Киара прижался к дереву щекой и нежно погладил ствол, забормотав. – Я тебе помогу, я тебя не брошу... я тебе подскажу, как сделать, чтобы...

Я мотнула головой и повернулась к дому, пытаюсь понять, стоит ли ложиться досыпать или сперва лучше пообедать?

– Киц... – голос Карлайла не предвещал ничего хорошего. Чужалось в нём этакое, насто-роженно-упреждающее.

– Что?

– Скажи, что мне не мерещится!

– Тебе не мерещится, – послушно повторила я, но всё же уточнила. – А что именно тебе не мерещится?

– Ты взяла мои сапоги?!

– Во-первых, не я сама, во-вторых, чего он дал, то и взяла, – я указала пальцем на Киньяра, который двумя руками упёрся в ствол, пытаюсь удержать дерево от окончательного падения.

Главное, чтоб не полыхнул от избытка старания.

Земля содрогнулась, отзываясь на силу Киара. И зашевелилась, то ли сама по себе, то ли корни ожили, то ли ещё чего. Фантазией Спаситель брата не обделил.

Твою ж.

– Дом не обрушьте! – рявкнула я, глядя, как на фасаде проклёвывается свежая трещина. Чтоб их всех.

Со свином вместе.

– Киллиан поправит! – донёсся нервный голос Киньяра. – Потом! Честно!

Поправит.

И в очередной раз укрепит. Но штукатурка-то уже отвалилась! Причём солидным таким куском.

– Кицхен, – Карлайл потряс рукой и треклятые колокольчики задребезжали, намекая, что беседа не окончена. И добавил, выделяя каждое слово. – Ты. Взяла. Мои. Сапоги!

Ну взяла.

Бывает.

– Да ладно тебе. Я ж не на всегда. Сейчас сниму...

– Ты... ты... ты не просто их взяла! Ты их испортила! – губы Карлуши задрожали и палец, указывающий на сапоги, тоже затрясся. – Она их испортила! Совершенно!

– Я... – я подняла ногу.

Ну да.

Кажется, она вступила во что-то... чёрное.

И в траву тоже, только разрытую и выдернутую с корнями. И теперь на белоснежной мягкой коже появились пятна. А ещё, судя по запаху, пятна были не от одной лишь травы. Ну или земли.

Чтоб.

– Я вымою... – произнесла я нерешительно.

– Её нельзя мыть! – простонал братец. – Это же телячья шкура акнерийской выделки...

– И?

– Кицхен!

– Чего?! Случайно получилось!

– Так, – Киара отвлекся. – Идите отсюда куда-нибудь, а то отвлекаете. Ваша сила дурно сказывается на моих мыслях. Я всё утро медитировал, пытаюсь соединиться с природой. И почти достиг прогресса! А тут вы!

– Идём, – я подхватила братца под руку. – Слушай, ну я же в самом деле не нарочно!

– Вы всегда не нарочно! Я... я только вчера их получил! Даже не надел ни разу! Поставил на стол отдыхать...

– В смысле? Зачем сапогам отдыхать? – порой логика братца ставила меня в тупик. Карлуша закатил глаза, потом глянул сверху вниз – вполне буквально, ибо моя макушка была где-то на уровне его плеча – и снизошёл до пояснения.

– Они далеко ехали. В запечатанной коробке со встроенным стабилизатором температуры и давления. Поэтому по получении необходимо дать время привыкнуть к новой атмосфере. Я специально встал на рассвете.

А для Карлуши это подвиг. Ради меня вот он на рассвете точно не встанет.

– Приоткрыл окно, впуская свежий воздух. Выбрал место, куда падал рассеянный солнечный свет. Мягкий, не способный повредить нежной ткани.

М-да. И место это оказалось на столе. Логично. Заодно братец и любовался своею красотой, небось, прикидывая, какой из трёх десятков сюртуков к ним подойдёт.

Или не подойдёт, что вернее.

А тут свин.

И Киньяр, заглянувши в поисках сапог – он точно знал, что моя собственная обувь долго не жила, а размер у нас с Карлушей один – обрадовался. Как же, и в шкаф лезть не надо.

Вот они, сапоги. Прямо как нарочно поставлены.

Нехорошо вышло, признаю. Не по-родственному.

– Ну а если потихоньку почистить? Хочешь, я сама даже...

– Нет! – взвизгнул он. – Будет, как тогда...

– Ой, ну хватит вспоминать...

Подумаешь. Один раз-то было. Ну не рассчитала я силу, применяя заклятье. Я надеялась, что прахом обернётся грязь, а она вместе с кожей.

– На этот раз даже без магии!

– Ещё хуже, – мрачно сказал Карлуша. – Тут покрытие из паучьего шёлка. Вышивка ручной работы... я полгода у матушек выпрашивал... а ты... ты их... уничтожила!

Стало стыдно.

Но...

– Уверен?

– Что уничтожила?

– Да. Это ж сапоги. В сапогах ходят, стало быть, они мажутся. А значит, и чистить их можно.

Нет, логично же?

– Ты... ты варварка! – возопил братец в очередной раз. – В подобных сапогах не ходят – шествуют! От кареты к дворцу! Они нужны не для пошлой носки, но чтобы подчеркнуть тонкий вкус владельца!

Я промычала что-то и даже покивала, потому что именно сейчас большего братцу было и не нужно.

– Я рассчитывал взять их в столицу...

– Карл, – я погладила по рукаву. – Ну... ну давай, я матушек попрошу, чтоб новые купили? Мне не откажут. Тем более, охота была неплохой, я шкуру тупырника добыла, а за неё заплатят прилично. И свои я не особо-то тратила... докину, чего не хватало.

Братец вздохнул, призадумался, и печально покачал головой.

– Не выйдет.

– Почему?

– Потому что их нельзя просто взять и заказать! – произнёс он с надрывом, но уже не таким надрывным. Успокаивался, значит. – Там очередь на года два вперёд. А обойти можно только по особым приглашениям. По рекомендациям! А если узнают, что я не уберег, то и вовсе вычеркнут из списка...

Мать моя фея! Не сапоги, а... я скосила глаза. М-да, произведение искусства. Было. Раньше. Может, дэру Туару и за них счёт выставить?

– Я ведь надеялся... произвести впечатление... Продумывал образ! Творил! А тут ты!

Да, со мною братцу не повезло.

– И вообще, где твои собственные, а?

Где-где... самой интересно.

– Ну, один в болоте утонул, – честно сказала я. – Засосало. А второй уже тут где-то потерялся.

Карлуша закатил глаза, но в обморок падать не стал. Пыльно. Грязно. Бесплезно. Только вздох его, исполненный страданий, выдавал, что думает он обо мне, Киньяре и всём нашем дорогом семействе. Главное же не поспоришь. Есть в роду Каэр некоторые, скажем так, сложности. А всё почему? А потому что нужно быть полным идиотом, чтобы злить фею.

Это я вообще не про братца, это скорее про папеньку.

Папенька наш был личностью крайне своеобразной, как мягко выражались матушки. А по мне так ещё тем придурком. Но говоря по правде, не могу винить.

Каэры с точки зрения нормальных людей всегда, скажем так, выделялись. И отнюдь не благоразумием. И вообще не разумом.

Если с самого начала, то в незапамятные времена мой славный далёкий предок, Каннехи дэр Каэр, явился на эти земли, чтобы совершить подвиг. В тяжком бою он сразил многоликое чудовище, вырвал его сердце и, как было принято в его племени, сожрал. Говорю же, времена были очень давние.

Очень тёмные.

И в целом свет цивилизации только-только загорался где-то там, за границей Кирийских топей. Главное даже не это, а то, что с сердцем предок наш принял и силу чудовища, положив начало славному роду боевых некромантов.

Прапрапра... в общем, осмотрелся и решил, что места в целом неплохие и жить можно. Кости чудовища закопал, на месте логова воздвиг крепостицу, и стал жить-поживать.

Лет этак через сто, или даже двести – с хронологией у семейных преданий всегда были сложности – началось становление Ютландского государства под мудрой рукой Юкана Собирателя Земель, который действительно норовил собрать всё, до чего руки дотянутся. Поэтому в некоторых легендах его именовали Длинноруким. В конечном итоге и до нас добрался, но Каэры... в общем, воевать с некромантами – так себе затея.

Поэтому Юкан, потеряв в болотах треть армии, которая, надо сказать, пополнила ряды прапрапрадедова войска, несколько призадумался. И будучи мужиком в целом неглупым, призвал пятерых герцогов, не столько воевать, сколько, скажем так, придать весу словам и предложению, которое он собирался сделать. Мол, Каэры присягнут на верность и войдут в состав государства, за что получат величайшую признательность, подтверждённый титул Владетеля и доступ к благам цивилизации. А если откажутся, то даже некромант против шестерки сильнейших магов не выстоит.

Мой прапрапрадед тоже не стал упираться. Подумал и согласился, вытребовав, правда, ряд существенных поблажек. Так появился на свет Кодекс, ставший первым, а по словам отца и единственным толковым юридическим документом в новоявленном государстве.

Кодекс определял звание Владетеля.

Права его.

Обязанности – куда ж без них. И многое, многое иное. В общем, им папенька при жизни и руководствовался, напрочь отвергая всякие глупости, вроде Большого королевского Уложения. В принципе, не могу сказать, что он был так уж неправ.

Кодекс мы учили.

Наизусть.

Ладно, это так, предыстория. В целом, став частью Короны, род Каэр поначалу даже выиграл. Земли, которые до этого считались едва ли не окраиной мира человеческого, вдруг ожили. В нашу глушь потянулись купцы, а на болотах возникли поселения, когда люди поняли, что близость к некромантам – это даже выгодно, ибо кто, как не они, защитит от всякой погани?

Людей становилось больше.

Налогов тоже.

Доходы росли. А мудрые предки, сообразив, что зарабатывать можно не только, продавая кости мертвозубов алхимикам, с радостью оценили открывающиеся перспективы. Увы, как выяснилось, в новом мире и с новыми правилами могучая некромантическая сила играла не такую уж серьёзную роль. К тому моменту, как мой папенька появился на свет, Каэры входили в число старых славных родов, тех самых столпов, на которые опиралась Корона, но и только. Особыми богатствами мы похвастать не могли. Как-то вот потихоньку большая часть земель, на старых картах числившаяся за нами, перешла в коронные.

Нет, мы не бедствовали.

Были и леса. Тогда ещё какие-то были.

И поля, которые сдавались в аренду.

Болота опять же, правда, уже не приносившие особого дохода, поскольку пара сотен лет соседства с некромантами привела к тому, что нежить, если и появлялась, то ненадолго. На моей памяти один раз грызляк выкопался, да и тот квёлый, издох ещё до моего прихода.

Служить Каэр всегда служили, но это скорее про родовую честь, чем про заработок.

В общем, назревал кризис. И прадед, почуяв его приближение, попытался разводиться коней, но те перешли от неизвестной заразы. Схожая судьба постигла тонкорунных овец, а

потом и гусей особо живучей островной породы. Нет, может, на каменистых Фенрирских островах гуси чувствовали себя и неплохо, но судя по хроникам, у нас они протянули пару месяцев. Все три тысячи, купленные на развод. Глядя на это, дед решил с сельским хозяйством не связываться, но стать по-настоящему деловым человеком. И неудачно вложил в некое верное предприятие по совету давнего друга, но в итоге потерял почти три тысячи золотых.

Ну и друга, само собой.

Следующим стал мой дядюшка, вознамерившийся поправить дела рода торговлей, выкупив сразу три корабля. По его задумке те должны были вернуться из колоний с грузом какао-бобов, страусовых перьев и прочих очень нужных Короне вещей. Оно, может, и получилось бы, потому что на торговле с колониями многие богатели, но увы.

Первый корабль пропал по пути к землям обетованным.

Второй – на обратном.

А третий вернулся и с грузом. Но что-то в пути испортилось, что-то пропало то ли при погрузке, то ли, наоборот, при разгрузке. Что-то было отпущено в долг под честное слово. В общем, прибыли хватило, чтобы вернуть компаньонам по бизнесу их вложения и заплатить подати. Успехом можно было считать тот факт, что Каэры не лишились очередного куска земель. Да и в деньгах не потеряли.

Но это ладно.

Папенька, появившись на свет четвертым сыном, ясно осознавал, что на многое рассчитывать не стоит. Точнее стоит, но исключительно на собственные силы. И, потратив их на совершенствование своего, по мнению семьи не слишком выдающегося дара, направился в столицу.

В гвардию.

Нет, ну а где ещё служить отпрыску достойного древнего рода, который обладает привилегией не кланяться королям, да ещё и сидеть может в их присутствии?

И ещё десятком столь же идиотских привилегий.

Его братья, отдав долг Короне где-то там, на границе, отнесли к подобной эскападе с недоумением. С точки зрения нормальных Каэр, служба в столице – это не про воинскую доблесть. Но препятствий чинить тоже не стали. Дед, отец папеньки, даже соизволил составить рекомендательное письмо к старому приятелю. Одно это многого стоило, потому как прежде Каэр старались связями не пользоваться.

Письмо помогло.

Папенька попал и в столицу, и в гвардию. А после, проявив несвойственную двадцатилетнему отроку ловкость, сумел зацепиться при дворе, где и провёл последующие лет десять. Нельзя сказать, что вовсе бездарно. К примеру, именно его стараниями дяде патент на торговлю и выдали. Колонии, они ведь не для всех.

Ладно. Это так. Отступление. Полагаю, папенька с лёгкостью мог бы достичь куда большего, если бы не его характер. Или правильнее говорить «характер Каэр»? Главное, он постоянно вляпывался в какие-то истории. В основном, истории были связаны с женщинами – по его рассказам, исключительно невинными девами повышенной моральной устойчивости, оказавшимися просто не в то время и не в том месте – их мужьями, братьями и прочими родственниками, которые вдруг ни с того, ни с сего начинали в этой морали сомневаться. И предъявлять претензии.

На претензии папенька оскорблялся.

Всё заканчивалось дуэлью.

И покойником.

Нет, папенька клялся, что далеко не всегда. И вообще количество убитых им изрядно преувеличено, а дуэли – это в принципе одно из немногих приличных светских развлечений.

Но проблема даже не в них. Проблема в том, что у убитых или раненых оставались родственники, которые почему-то не относились к произошедшему легко. Начинали жаловаться.

Обвинять.

И всячески порочить доброе имя честного некроманта.

В результате подлых интриг продвижение по службе тормозилось. Да и в целом атмосфера двора становилась всё менее и менее дружелюбной. На этом месте папеньке пришла в голову замечательная идея куда-нибудь уехать. Но куда? Не домой же. Там и без него тесновато и людновато. И вообще не ждут. Напротив, шлют гневные письма, что он позорит честное имя рода.

А купить тихое поместье близ столицы было не на что.

И что ж он сделал? Верно. Именно то, что делают все разумные люди в подобной ситуации – подыскал невесту с приданым, которого должно было хватить, если не на роскошную, то на спокойную провинциальную жизнь.

Единственная внучка герцога Танар оказалась папеньке неплохим вариантом.

Честно, до сих пор не могу понять одного. Как он это делал? Вот честно. Отец не был красавцем. Манеры? Воспитание? Да какое там воспитание. Порой ощущение складывалось, что его прям в младенчестве гвардейцы из родного дома умыкнули и в казармах вырастили.

Ум?

Нет, ум был, но... мало ли умников. А таких, которые парой фраз и одним поцелуем в ручку могут растопить девичье сердце?

То-то и оно.

У девицы Танар не было шансов.

Подозреваю, что папенька знал, что Танары этакому жениху не обрадуются, а потому невесту похитил и обвенчался с ней в маленькой такой церквушке. После чего радостно увёз знакомиться с роднёй. Потому что гнев гневом, но воевать с некромантами дураков не было.

Всё получилось именно так, как он и планировал.

Герцог явился.

Мой дед его принял. Состоялись переговоры, по результатам которых в газетах появилась душеспасительная история любви. Она же пошла гулять по салонам, спасая слегка запятнанную репутацию герцогской внучки. Ну а папенька получил в своё владение очаровательное поместье, ибо неприлично Танар и без приданого. К поместью прилагалась некоторая сумма на обустройство. Да и дед, осознав серьёзность папенькиных намерений что-то там выдал...

В общем, всё могло завершиться хорошо, если бы не танерийцы.

О том, что произошло той проклятой ночью, отец знал мало. А говорил неохотно. Полагаю, он бы и вовсе молчал, если бы мог. Но эта история дорого обошлась роду Каэр.

Он с молодой женой добрался до столицы, где немного задержался, поскольку Танар полагали, что молодой паре стоит появиться в свете, дабы окончательно пресечь всякие-разные слухи.

Они и появлялись, демонстрируя чистое чувство, которое оправдывало побег.

А потом пришло то сообщение...

Глава 5 Немного о свободе творчества и делах былого

*Походка Люциуса напоминала орлиную босоножку.
О том, как сложно быть личностью.*

Он всегда рассказывал скупое. Отстранённо. Будто пытаюсь оградиться этими словами от боли, которую мы сперва не понимали. А потом... потом я как-то представила, что их вдруг не стало.

Матушек.

И братьев.

И отца, пусть даже к тому времени мы с ним пребывали в состоянии постоянного недовольства друг другом. Для двух некромантов, вынужденных жить друг с другом, это скорее норма. Представила, что не стало самого дома. И лужайки. Сосны этой треклятой, которую, надеюсь, Киара вернёт к жизни. Представила и с трудом удержала закипевшую силу.

А отец, глянув искоса, произнёс:

– Теперь ты понимаешь.

Я же кивнула.

Понимаю. И почему он сделал то, что сделал. И почему продолжает делать. И... вообще понимаю. Но вопросов не стало меньше.

– Ты говорил, что дедушка был сильнее тебя. И твои братья, – тогда уже я пришла к мысли, что отец – далеко не так могуч, как мне представлялось в детстве.

– И их дети. Моя матушка обладала даром, пусть и не некромантии, но тёмным, как и тётушки, и мой дед... в этой усадьбе жило с две дюжины одарённых. И половина – некроманты. Только те, кто шёл сюда, это знали. И приготовились.

Отец болезненно сморщился, а я замерла, опасаясь, что вот сейчас он прервёт разговор, как это уже случалось прежде, когда он просто менял тему или вовсе замолкал, чтобы через минуту сухо и скупое потребовать повторить что-то из заданного.

Я бы, конечно, повторила.

И снова.

И опять.

И повторяла бы до тех пор, пока он, поморщившись, не бросил бы:

– Сойдёт.

Тогда я бы обиделась. Ненадолго. Но в тот раз он не стал уклоняться. Счёл меня взрослой? Или чувствовал, что отведённый ему срок подходит к концу? Говорят, что некроманты такое чувствуют.

Если так, тоже не понятно. Их было много, и если бы все что-то такое ощутили, то... как?

– Комиссия решила, что всё, что произошло – случайность, – это отец произнёс очень тихо. – А я не стал спорить. Отличная же версия. Танерийцы решили нанести удар по столице, направились сюда и наткнулись на поместье рода Каэр, где случайно выдали себя. И вынуждены были вступить в бой.

– Но ты не веришь?

Мне было уже шестнадцать. Я давно упокоила первого мертвеца. И подняла тоже. И на нежить ездила охотиться одна, пусть это не нравилось отцу, но он не останавливал.

– Нет, – сухое и короткое слово.

– Почему?

Я и сейчас помню тот разговор в каждой мелочи. Открытое окно. И запах свежескошенной травы. И голос Киньяра, который пытался петь. Получалось громко, но лучше бы получалось тише.

Отец, глянув на окно, хмыкнул:

– Всё-таки пить тогда надо было меньше... такие операции, Кицхен, планируются очень и очень тщательно. Ставки слишком высоки. И если бы танерийцы сунулись, они бы проложили весь маршрут, а не только место высадки. Следовательно, они бы знали, чьи это земли. И где стоит усадьба. И кто в ней обретается. Тогда зачем было лезть? Почему они просто не поднялись по реке?

– Их заметили?

– Кто? На реке постоянно шныряют лодки. Рыбаки там... и не рыбаки.

Контрабандисты.

Да, после первой войны отношения с Королевством Танер оставались довольно напряжёнными, но торговле это не мешало. Особенно той, которая в принципе плевать хотела на закон.

– Да и вообще, что стоило заплатить и их бы довезли хоть до дороги, хоть до столицы.

В этом тоже был смысл.

Не стоит ждать от людей, которые живут контрабандой, а порой не только ею, патриотизма и гражданской осознанности. Верю, что довезли бы. Может, не до столицы, но побережье здесь такое, что хватает тихих заливов и тайных пещер, из которых берут начало тайные же тропы.

– В любом случае, они могли высадиться выше, – отец повернулся к карте, что занимала всю стену. – Там даже удобнее. Места пустынные, живут рыбаки, с которыми договориться куда проще, чем с некромантами. А они полезли сюда. Причём в поместье.

Безумие?

И отец, видя моё недоумение, продолжил.

– Мой отец был умным человеком, да и брат не глупее. Из всего рода именно я отличался... несдержанностью. И в целом... – он махнул рукой, прерывая перечисление собственных недостатков. – Но и самый умный человек порой допускает ошибки. Они уверились, что славы рода Каэр и силы хватит, чтобы защититься от врага.

И теперь я вижу, что её должно было бы хватить.

– Те, кто шёл сюда, явно знал, с кем будет иметь дело. Я не знаю, как, но им удалось заблокировать силу. Возможно, был использован сонный газ или какое-то алхимическое зелье...

Он замолчал, так и глядя в окно.

– Но у тебя другая версия? – я уже достаточно хорошо умела читать отца.

– Да.

– И?

– И, – передразнил он меня. – Научись уже нормально говорить, наследница...

Это папенька произнёс обычным своим раздражённым тоном, но я же говорю, успела изучить, поэтому и не купилась.

– Подумай сама, – он щёлкнул по лбу. – Или в этой голове одни кружева?

– С кружевами – не ко мне, – лоб я потёрла. – Зелье нужно подлить и всем. Магов много, следовательно, и артефакты они будут использовать. Разные. У кого-то может оказаться такой, который определит наличие примесей. Да и подлить... это пробраться на кухню. Сговориться со слугами. Нужно время. Сообщник.

– Именно.

– А будь такой, можно было бы просто яду плеснуть. Нет... сонный газ? Поместье большое. Его понадобились бы бочки и бочки, а как их незаметно пронести? Хотя... можно взять с собой, скажем, на ужин... тогда попроситься надо. И опять же. Те же личные артефакты. Могли и нейтрализовать отраву, и тревогу поднять.

– Хорошо, – кивнул отец с одобрением.

– Да и, что зелья, что газ, что яд – в нашем случае ненадёжно. Некроманты славятся своей невосприимчивостью.

– Надо же, ты и думать умеешь.

– Блокирующие амулеты? Нацепить быстро и на каждого не получится. Тогда... артефакт? – я перебирала варианты. – Если логически думать. Что-то, что можно пронести, скажем, спрятав один функционал под другим. Или вообще сказав, что это... целительский там. Или усиливающий. Защитный. Артефактов много. А когда их много, то энергетические поля накладывались бы друг на друга. И в результате сложно было бы определить, что это за артефакт.

– Именно.

– Но я не слышала, чтобы существовали такие, которые могли бы... это ведь какая сила воздействия должна быть! – я опять задумалась, пытаюсь хотя бы в теории представить совокупную мощь некрмантов и ту силу, которая могла бы ей противостоять. И по всему выходило, что одних накопителей понадобилась бы та же бочка.

Или...

– Это артефакт из Древних? – произнесла я шёпотом, потому что предположение было совсем уж дикое. Но иначе не складывалось.

Как ни складывай, а оно не складывалось.

– Если вообще не из числа Великих, но... – я тряхнула головой. – Зачем? Если у них... такой... на дворец не хватило бы, но... они бы могли... как-то иначе... с большим толком использовать?

Потому что это напрочь лишено смысла.

Вот категорически.

Да, допустим, в сокровищницу танерийцев попал артефакт из числа Великих. Допустим, даже тот, о котором никто иной не знает. Допустим, этот артефакт мог как-то повлиять на магов, лишив их силы, усыпив или сделав ещё что-то этакое. Возникает один вопрос – зачем?

Зачем его использовать здесь?

Против Каэр?

Куда проще действительно было бы высадиться малой группой чуть дальше. Нанять проводника, пробраться по болотам к тракту, а там – и до столицы. И во дворец попасть они смогли бы.

Или не во дворец.

В общем, с Великим артефактом в руках много шуму наделать легко. В том числе и покушение на короля устроить. В том числе и удачное.

Чтоб.

А они вот...

Тут?

– Не поверишь, дорогая, сам пытаюсь понять, – сказал отец и подошёл к окну.

Голос братца набрал мощь. И печальное повествование о неразделённой любви слышали все. Чувствую, закрывать окна смысла нет.

– Опять влюбился? – устало спросил отец.

– Ага.

– В кого на этот раз?

– В прекрасную Агнес...

– А где у нас тут прекрасная Агнес? – отец оживился.

– Маккрохан.

– Погоди... это... это та...

– Гувернантка их детей. Мы в прошлый раз с ней в церкви столкнулись. Вот Киньяр и впечатлился.

– Ей же почти сорок. Она тощая. Мрачная. И нос огромный, – отец даже показал, насколько он огромный. И, говоря по правде, если и преувеличил, то немного.

Ещё у Агнес Маккрохан имелись усики и три родинки, одна другой больше.

– А ещё смотрит так, будто ты её у алтаря бросил, – отец поёжился. – И он действительно... хотя, чего уж тут.

Он махнул рукой, понимая, что озвучивать очевидное смысла нет.

Всё равно не услышат. А вот окно он прикрыл и пробормотал:

– Пить надо было меньше... но кто ж знал. Кто ж в самом деле знал, что оно так получится... – он потряс головой, потом вздохнул и добавил. – Ну, хотя бы долго это не продержится.

И да, это радовало.

Ни одна из влюблённостей брата не длилась дольше недели. Они вообще проходили, как простуда. С лихорадкой и смятением в глазах, когда даже обычная робость Киньяра почти исчезала. С бредом в виде очередной поэмы, достигавшим пика на третий день, когда вдохновение находило выход в исполнении этой поэмы, ибо восторг должны были разделить все, кому не посчастливилось оказаться в зоне слышимости.

– Надо будет сказать, чтоб в саду пел, – отец вовремя вспомнил. – Хоть дроздов попугает, а то всю вишню склевали, заразы...

И резко, без перехода, как он это умел, продолжил:

– Я не знаю, что именно им понадобилось в поместье, но сомневаюсь, что они получили желаемое.

– ...люби-и-ить... как мне жи-и-ить... – стёкла задребезжали. – Без тебя я не мо-гу-у-у... я болею и люблю-у-у-у...

Вой был полон печали и явно отражал глубину смятения, испытываемого братцем.

– Хотя... дроздам и так хватит, – сделал вывод отец. – Взрыв произошёл вследствие прямого конфликта энергий.

И сила его была такова, что на месте старого дома остался котлован, который залило водой. Люди же... матушки рассказывали, что даже камни, которые поднимали со дна, когда шло следствие, были оплавлены. Что железо превратилось в ржавую пыль, ткани истлели...

Так что верю.

В конфликт сил верю. И в неконтролируемый смешанный выброс тоже.

В семейной усыпальнице лежит гранитная плита с высеченными именами. Всё, что осталось от некогда великого рода Каэр.

– Возможно, то, что они искали, было уничтожено...

– А ты... ты не догадываешься, что именно?

– Я был младшим сыном, Кицхен. Не самым умным, не самым способным. Не тем, кому можно доверить семейные тайны. Тем более, что у старших братьев появились свои сыновья. А я планировал отделяться. Поэтому, увы...

Он развёл руками.

– Когда-то с братьями мы спускались в подвалы. Искали гробницу первого из рода Каэр. И кости твари, им уничтоженной. Впрочем, как и ты.

У меня покраснели уши. Не думала, что он знает и об этом.

– Все так делают, – отмахнулся отец. – Правда, нынешние подвалы далеко не так извилисты и загадочны.

Это да. Они до отвращения упорядочены. Никаких тебе изгибов, извивов, ответвлений и каменных лабиринтов с костями заплутавших героев. Последнее меня особенно расстроило.

Нет, вот лезешь за чудом, а находишь бочонки с квашеной капустой и горы репы.

– А твои братья тебе мало помогали.

– Они хорошие, – возразила я.

– Буду верным рабо-о-ом... постучусь в двери лбо-о-ом...

Ну, большей частью хорошие, не в минуты обострений.

– Хорошие. Я не спору. Но ты понимаешь, что этого недостаточно, чтобы выжить?

– Думаешь, те, кто шёл... что они вернуться?

Думает.

Мы оба знаем.

Я ведь с двенадцати лет помогала ему границы обустроить.

– Не знаю. Сперва я вовсе ни о чём таком не думал. Занят был. Сама понимаешь. Следствие. Потом похороны. Дом строить... вы вот появились. Там другие проблемы. И надо было растить. Учить... обеспечивать безопасность.

Киваю.

Безопасности отец уделял особое внимание. И теперь оно мне не казалось чрезмерным.

– Я многое сделал, но... не уверен, что достаточно.

– Я умру-у-у за тебя-я-я... не буду жить, не любя-я-я...

– Ещё два дня, – отец поднял взгляд к потолку. – Нет, я конечно, в своё время нагрешил, но... не настолько же!

– Ты роза моя... для тебя есть весь я...

В стекло ударилась птица, то ли оглушённая голосом брата, то ли вникнувшая в суть очередной поэмы.

– А что до твоего вопроса, – отец поглядел на меня. – Ты ведь сама понимаешь. Если здесь было что-то настолько ценное, то рано или поздно об этом вспомнят. И потому, Кицхен дэр Каэр, что нужно делать?

– Быть готовой ко всему, – отозвалась я.

Проверять охранную систему.

Пополнять запас камней, которые позволят ей работать даже в моё отсутствие.

– Й-а... тебя люблю... небо подарю...

Стекло зазвенело и осыпалось разноцветной крошкой.

– И не злить фей! Никогда! – добавил отец, затыкая уши.

– Небеса упадут... счастье нам будет тут!

Глава 6 Кое-что о спасении девиц и ответственности перед оними

После черной полосы в жизни Вики наконец-то наступило улучшение – законченный университет, смерть, война между демонами и ангелами.

Что вы знаете о светлой полосе в жизни.

С феей, которая была не просто так посторонней феей, а приходилась мне родной матушкой, получилось, если верить отцу, совершенно случайно. У него и в мыслях не было её злить. Вообще охотно верю. Идея как-то разозлить фею не пришла бы в голову ни одному нормальному, да и ненормальному тоже, человеку. Так-то феи существа миролюбивые. Но обидчивые.

С фантазией.

И силой, которой хватает, чтобы эту фантазию воплотить в самой изощрённо-причудливой форме. Ещё стоит добавить, что в большинстве своём феи имеют дурную привычку маскироваться под смертных женщин, правда, как правило прекрасных смертных женщин.

Ну а если сложить воедино прекрасную женщину, папеньку и сложные жизненные обстоятельства...

В общем, получилось, как получилось.

Папеньку я тоже могу понять. Даже у некромантов нервы имеются, кто бы там что ни говорил. И они отнюдь не железные. Вот он рассчитывал на тихую жизнь, строил планы по обустройству нового поместья и пополнению семьи, а вот узнаёт, что остался последним из рода.

Это однозначно ошеломляет.

И не только его, полагаю. А дальше... то ли государь сам додумался, то ли подсказали доброхоты. Есть в Кодексе крайне любопытное положение. Мол, если род настолько ослаб, что осталось в нём менее трёх человек, то Государь волей своей берет его под руку свою, обеспечивая защиту земель и прочего имущества. Ну а уцелевшие родовичи ведут хозяйство и занимаются восстановлением численности оногo рода на радость короне. Государь и повелел папеньке на земли Каэр возвращаться и восстанавливать численность. А что? Очень даже благовидный предлог услать крепко попортившего нервы папеньку подальше.

И услали.

Немедля прямо. Мол, чтобы вдруг чего этакого не вышло. Правда, услали не одного, а с супругой, которая этакому усилу не обрадовалась совершенно. Оно и понятно. Где столица, а где наши болота? Тем паче усадьбы больше нет, её отстраивать надо. И восстанавливать. И всю сельскую идиллию тоже. Но делать нечего, государю как-то возражать не принято.

Поехали.

На первом же постоялом дворе тэра Танар, а ныне Каэр, пожаловалась на дурноту, сказав, что, верно, это не от прокисшего молока или дурного воздуха, но потому как она пребывает в положении. А стало быть никак не может разделить с любимым супругом тяготы и лишения.

Беременным тяготы с лишениями противопоказаны. И папенька, коль он супругу любит, то не станет препятствовать ей. Сказала и удалилась к своей матушке, чей экипаж по удивительному совпадению как раз въехал во двор.

Перечить папенька не стал.

Оно и вправду. Куда ему беременную жену везти было? На развалины? Туда, где гуляло эхо магической силы? Нет, по его словам, он известию обрадовался, жену вручил в заботливые руки родной тётчи и повелел писать почаще. Сам тоже пообещал поспешить со строительством. Ну и продолжил путь.

Тут ещё момент.

Сопровождение, нанятое им, папенька отправил вслед за супругой, здраво рассудив, что путь до родового поместья Танар не лишний, а ей охрана нужнее. Заодно уж и грузовой экипаж с платьями, сервизами и прочим имуществом, отдал.

На кой ему платья?

Или вот сервиз?

То есть дальше папенька отправился один.

А путь был нелёгким.

В детстве мы с братьями просто обожали слушать истории о папенькиных приключениях. И несколько не смущало, что раз от разу подвиги, им творимые, становились всё более героическими. Это уже потом, взрослея, я начала понимать, что не всё там было так уж сказочно.

Точнее появились вопросы.

А ответы... когда я доросла до того, что осмелилась вопросы задать, отец лишь вздохнул и ответил:

– Не лезь. Это уже в прошлом.

Но ладно.

После расставания с женой, отец свернул с королевского тракта, рассудив, что верхами и просёлочными дорогами быстрее получится. В те годы железная колея уже протянулась от побережья до побережья, но и только. Боковые ветки лишь начали строиться, а до нашей глуши добрались лишь лет пять тому. И то не до поместья, а до Лис Моор, от которого к нам полдня пути.

Это ладно, это отступление.

Что касается дорог иных, то здесь, как говорится, всякое могло произойти. И произошло. Если верить семейной легенде, то сперва путь папеньке заступили разбойники.

И прям два десятка.

И не простые, но из прибрежных грохков, которые в наших краях не водятся. Холодно им тут и неудобно. Но, видать, та осень была достаточно тёплой, если вот завелись.

И с оружием.

И с недобрыми намерениями. А грохки, если подумать, отличаются не только силой и звериной яростью, но и редкостной невосприимчивостью к магии, в том числе и тёмной.

Папенька, конечно, справился.

В детстве нам рассказывали, что он, осознав ситуацию, предпринял стратегическое отступление, заставив грохков броситься следом. А сам заманил их к сельскому кладбищу, которое и поднял силой. Невосприимчивость к магии – это одно, а вот кувалда в руках свежеподнятого кузнеца – совсем другое. Невосприимчивостью к кувалде грохков их боги не одарили.

Это я уже после тишком уточнила у матушки Анхен, откуда он про кладбище узнал. А она так же шёпотом ответила, что не знал он. Бежал. Грохки же шли по следу. Может, они и помедленней лошади, зато повыносливей и с нюхом, который магией не перебить. В общем, заслышав где-то впереди шум, папенька здраво рассудил, что где шум, там и люди. А где люди, там и оружие, и стены.

Или вот кладбище.

С последним угадал. Кладбище при том поселении было и немаленькое. А шумели местные жители, которые рядом с кладбищем и собрались – был там донельзя удобный луг, прям как созданный для того, чтобы ярмарки устраивать. Или ведьму жечь. Мероприятие, между прочим, серьёзное. Народ готовился. Наряжался. Хворост таскал. Лавки расставлял. Место обустроивал, с помостом, чтоб всем видно было. Уже как раз ведьму на помосте и пристроили. Дрова уложили, хворостом прикрыли, маслом полили. А тут папенька-некромант и грохки...

В общем, когда папенька потом уже, после битвы дыхание перевёл и осмотрелся, то всё-то правильно понял. И тотчас предложил поменять живую ещё ведьму на уже мёртвых грохков со всем добром, что нашлось в их карманах. Староста решил не возражать. Да и в целом селяне, осознав, что в этом случае уберутся оба, и папенька, и ведьма, с радостью согласились. Что до ведьмы, то она оказалась молода и прекрасна. Как было не помочь бедняжке? Да и ехать вдвоём веселей...

Матушка Анхен всегда слегка краснела.

А мы смеялись.

Ведьма? Ну... кто в конце концов, без недостатков? Главное, что более доброго и светлого человека во всем герцогстве не найти. Так что грохкам мы с семьёй даже благодарны. Лёгкого им посмертия.

Через несколько дней... ну, дорога – дело небыстрое, особенно в компании молодой и прекрасной ведьмы, папенька вновь оказался в не самой простой ситуации.

Лес.

Сумерки. Дорога.

Одинокий экипаж. Перебитая охрана. И девица в белом платье, выбравшаяся на крышу. Сабля в её руке сияла светом отражённой луны... ну, красиво же! На самом деле матушка Нова неплохо владела оружием. Но шансов у неё не было.

Не против шестерых.

– Те ещё сволочи, – сказала она как-то, когда мы повзрослели. – Сынки местного барона. Близнецы. Увидели меня в городе и решили, что хорошая игрушка выйдет.

А что, матушка Нова не выглядела опасной.

Невысокая. Хрупкая. И живая, как пламя, что её переполняло.

– Мой отец понял, к чему идёт, когда в лавку пришли с намёками. И решил спровадить к тётушке. Только донесли, сволочи... нам всегда завидовали. Чужаки, кверро проклятые, а дело открыли. Разбогатели. Был бы тогда со мной мой дар...

Она бы и вправду не стала бы колебаться.

Но в ту роковую минуту дар спал.

А сабля – это лишь игрушка. И тем, кто устроил бойню, не пощадив слуг, она не казалась опасной. Ну, пока отец не вмешался. Он никогда не любил игр с другими людьми. Что же касается нападавших, то с юными баронетами, а также их охраной и приятелями папенька справился куда легче, чем с грохками. Ну и дальше поехали втроём.

Правильно. Как можно было бросить несчастную беззащитную деву посеред леса?

Да и карета, опять же.

На карете путешествовать было всяко удобнее.

А ещё дня через два карета остановилась у постоялого двора. Матушка Нова всегда говорила, что этот самый двор изначально показался ей подозрительным. А матушка Анхен отвечала, что ничего-то подобного, что наоборот, он выглядел вполне себе обыкновенно. Разве что стоял на отшибе, но случается и не такое.

Высокий частокол? Для безопасности. Места глухие, дикие.

Собаки?

Для того же.

Людей почти нет? Так осень за середину перевалила, все приличные ярмарки прошли, а на малые, если и ездят, то местные, которым постоялый двор без надобности. В общем, как понимаю, все уже притомились в карете ночевать.

Хозяином двора был мрачный толстяк, который сперва не хотел пускать гостей, но папенька кинул ему золотой, и толстяк передумал. Сразу и комнаты нашлись. И ужин.

Там-то папенька матушку мою и увидел.

В трактире, то есть.

И не феей, конечно, а бледной девчонкой, которая драила столы. И выглядела она столь худою и несчастной, что папенька просто-таки не смог пройти мимо. А тут ещё трактирщик оплеуху отвесил.

Папенька и не сдержался.

С ним порой случалось. Благороднейшей души человек был. Если матушкам верить. А как по мне, крепко с придурью. Поэтому удивляться, что у меня этакая семейка в принципе не стоит.

Наследственность, чтоб её. Отягощённая.

Папенька тотчас оплеуху вернул трактирщику и велел девчонку отпустить. Сказал, что с собой заберет в светлое будущее. А если она чего должна, то папенька, так и быть, долг погасит. Но трактирщик почему-то не обрадовался.

Нет, потом стало понятно, почему.

Но тогда зарычал, заскрипел жёлтыми зубами и, через стол скакнув, в медьвелака перекинулся. Видела я их, конечно, на картинках, но и там тварюга внушала. Этакая помесь медведя с человеком. Или человека с медведем? В гримуарах на этот факт единого мнения нет. Зато все сходятся, что изучать этокое диво лучше исключительно на картинках.

Сила у него медвежья.

Разум человеческий.

Скорость запредельная. Да ещё и к магии, как и грохки, слабо восприимчив. Но тут уж папенька бегать не стал. Да и как побежишь, когда карету во двор загнали, лошадей распрягли, а девицы настроились на ночь в нормальных кроватях? Пришлось как-то вот так выкручиваться.

Без магии.

По словам маменек, к этому времени папенька изрядно на нервах был, то ли от обилия происшествий, то ли от обилия прекрасных дев, то ли в целом терпение заканчивалось, а потому разрядил в морду твари сразу два пистоля. Медьвелак от этого подхода ошалел.

Ну и ослеп.

Оглух.

И позволил вогнать клинок прямо в глазницу. А там и голову ему отрубили. Рухнул медьвелак на пол и превратился в человека. Стало быть, не истинным был, не урождённым, а перевертнем-ведунном, который Рогатому демону душу продал.

Ну а как ведуна не стало, то и чары его разрушились.

Дом затрясся. Огонь в камине позеленел, выдавая истинную свою природу. На таком огне, что ни приготовь, на пользу не пойдёт, или проклятьем обернётся, или ядом. В общем, хорошо, что ужин подать не успели. А по стенам дома плесень поползла, эти стены разрушая. В общем, здание всячески намекало, что задерживаться в нём не след. Папенькины спутницы и выскочили. Папенька же подхватил сомлевшую девчонку и тоже на улицу вынес. А та очнись и скажи, что, мол, не одна она в неволе, что в подвале пленница томится.

И сокровища.

Маменьки в один голос утверждали, что папенька за пленницей ринулся. Что героическая сущность его так и требовала, спасти невинную деву от ужасной участи быть заживо погребённой. Я верю. И ещё понимаю, почему папенька после возвращения домой так редко куда-то выезжал.

Наверное, опасался, ещё на какую деву наткнуться.

Кстати, не зря.

То, что девы до добра не доводят, он уже осознал. Но увы, не настолько, чтобы надолго хватило. Впрочем, это уже дела недавние и той истории они не касаются.

Дом рушился, но в подвал папенька успел. И отыскал. И деву прекрасную эльфийскую, которая в забвении пребывала и сильно истощённом состоянии. Ну и сундук.

Три.

Что, честно говоря, было очень даже вовремя. Нет, за Киара деве мы все благодарны, но кто бы знал, сколько денег тянет стройка. Возводить усадьбу с нуля – это ж не просто так вот.

По семейной легенде сперва папенька поднял деву. Ну а потом и сундуки. Правда, матушка Нова как-то обмолвилась, что сундуки уже мёртвый трактирщик носил. Может, оно не очень героично, зато практично и по-некромантски. Одобряю.

В сундуках обнаружилось золото и драгоценности, ну а маменька моя поведала, что на самом деле трактирщик был главарём банды, промышлявшей в округе и не только.

И что банда должна была вернуться...

Вернулась.

Папенька, чую, доведённый до крайности, их всех прямо на подходе и положил. А потом поднял, ну, сопровождением. Чтоб, значит, больше ни у кого встречного дурных мыслей не возникало. Так потихоньку и доехали. Да, девица оказалась не просто так эльфийкой, а целой тамошней герцогиней или даже принцессой – очень уж тяжко эльфийские титулы с человеческими соотносить. Ну и естественно, в папеньку влюбилась.

И матушка Анхен влюбилась.

И матушка Нова.

И даже трактирная служка, которую папенька тоже с собой прихватил. В общем, тем ещё засранцем он был. А главное, я до сих пор понять не могу, как?

Вот как?!

Как он это делал? И Танар? И матушки? А эльфийка? Они ж некромантов на дух не выносят. Или мою вот взять... хотя нет, феи, они априори с придурью. То есть существа, человеческой логике неподвластные. Хотя, конечно, может, в ней и дело? Фея, если умным книгам верить, свои чувства на мироздание проецирует, тем самым его меняя сообразно собственным прихотям или вот даже не специально.

Главное, что, стоило папеньке ошейник снять, как фея сбросила личину, вернее, сменила – феям это просто – и папеньку обрадовала, что, мол, он доказал свою храбрость и чистоту помыслов, душевное благородство и прочие весьма похвальные качества. А потому она позволила себе влюбиться.

То есть избрать его возлюбленным.

Не знаю, обрадовался ли папенька, но деваться было некуда.

И правильно.

Спас девицу – отвечай.

Глава 7 О феях, жёнах и глобальной справедливости

Мои чувства похожи на картошку: чем суше эмоции на поверхности, тем больше и зрелей плод скрыт внутри.
Из личного дневника

К тому времени, когда карета добралась-таки до поместья, все четыре дамы пребывали в положении.

В общем-то спрашивать, как сие получилось, смысла не было. В возрасте юном мы вообще об этом не задумывались. А став постарше, если и задумывались, то благоразумно держали мысли при себе.

Как-то, конечно, разговор у меня зашёл, с матушкой Анхен, но скорее в плане сугубо прикладном. Некроманты, да и в целом тёмные маги, плодовитостью не славятся. Наоборот, у них скорее обратная проблема, и на сей-то счёт трактатов написана не одна дюжина.

А тут вот.

Парадокс. Отягощённый эльфийской кровью, к слову, которая с силой тёмной в теории вообще никак не сочетается.

Матушка Анхен вздохнула и сказала, что, мол, феи живут по своим законам. И мир вокруг меняют, не слишком о том задумываясь.

Я подумала и согласилась. Лучше уж такое объяснение, чем никакого вовсе.

Маменька влюбилась и из желания облагодетельствовать мир поделилась этим прекрасным чувством с окружающими. И не только чувством, а возможностью воплотить оное в материальном выражении, то есть в детях.

Главное, что беременности случились. И с этим надо было что-то делать и совсем не то, что иногда делают несознательные девицы, а скорее наоборот. Папенька, в очередной раз обрадованный сразу с четырёх сторон – а при наличии ведьмы и эльфийки с их способностями сомневаться и спрашивать, не ошиблись ли девы, бессмысленно – углядел в том знак свыше и вмешательство Провидения Господня.

Наверное, ему так проще было всё принять.

Не знаю, как быстро у него получилось, но закончился процесс принятия тем, что папенька заявился в храм и потребовал обвенчать его с невестами. Нет, не со всеми четырьмя, ибо эльфийка, вздохнув, сказала, что не сможет остаться надолго, ибо у неё семья, долг и жених где-то там, во глубинах Холмов. А феи вообще к смертным стараются не привязываться и уз брака, как и любых других уз, не признают. Но вот матушка Анхен и матушка Нова – дело иное. Они рода человеческого и потому жить им, как и детям, предстоит по человеческим же законам. Вот папенька и обеспокоился, подозревая загодя, что люди к бастардам отнесутся без должного уважения.

Священник, конечно, в этакой просьбе отказал.

Сперва.

Не положено сразу на двух девицах жениться, тем паче, что законная жена уже наличествует. Но папенька возразил, что он, как Владетель и последний из рода, имеет особые права, о чём имеется упоминание в Кодексе, равно как и прецеденты. А количество жён так вообще не оговаривается.

Говорю же, документ старый, тогда вообще считали, что сколько мужчина потянет жен, столько ему и можно. Это уже потом пошли реформы, законы и прочие глупости. Священник отказался руководствоваться Кодексом. Мол, у него собственное руководство имеется, которое не поймёт. И для пушшего эффекта пригрозил отлучить папеньку от церкви, а то и вовсе объявить отступником.

Будь на месте отца кто другой, может, и испугался бы.

Папенька же подумал и сказал, что раз так, то пускай отлучает. А отец в свою очередь, пользуясь правом Владетеля, разрешит на землях своих почитать старых богов. По тем законам и свадьбы сыграет, раз уж такое дело.

Вот, честно, не верю, что всё в один разговор взяло и уладилось. Но уладилось. Свадьбу играли не сказать, чтоб пышно, но торжественно. И в газетах объявления напечатали, как сие заведено. И государю послали приглашение. Тот благоразумно не приехал. Папенька уверял, что сугубо из зависти, потому что сам государь тоже был бы не против помногоженствовать, но кто ж ему разрешит. Формально всё объяснили несогласием с подобною выходкой и суровым порицанием. Хотя какое несогласие, если он подарок прислал. Сервиз на тридцать шесть персон из костяного фарфора. Может, правда, сервизом и выразил порицание, цветом там или росписью. Хотя по мне, сервиз, как сервиз. Обыкновенный. В общем, дело ясное, что дело тёмное.

От Танар тоже прибыли. Правда, не лично глава рода, но полномочный представитель, и не не с дарами, а с вопросом, чего это папенька вытворять изволят. Подозреваю, задавали его несколько иными словами, может, даже с позиций угроз, но, говорю же, дорога изрядно пошатнула папенькину нервную систему, а потому отвечал он кратко и по сути.

Танар впечатлились.

Но подарков не прислали, а прислали ультиматум, что, дескать, или папенька столь же прилюдно отрекается от своих жён и объявляет браки недействительными, или развод.

Папенька, верно, прикинул, что двух супруг ему по любому хватит, это не считая эльфийской девы, которая, пусть браком и не сочеталась, но к жениху отбывать не спешила, и согласился на развод. Только на ребенка права заявил. Мол, согласно Кодексу и закону, благо, в этих моментах они совпадают, дитя принадлежит отцу и всё такое...

Танар потребовали вернуть приданое.

Может, рассчитывали, что папенька осознает, что жить ему не на что. Но зря они, конечно. Он осознал, что его шантажируют, обиделся и приданое вернул. Причём к делу подошёл дотошно. И копию брачного договора поднял, и список того самого приданого, к нему прикрепленный, тоже. Правда, пришлось докупать, ибо часть вещей из столичного дома оказались вывезенными, в том числе стулья гнутые веденской работы, обитые бархатом. Да разве ж такая мелочь папеньку бы остановила? Отдал распоряжение докупить и вернуть. Причём нанял людей, чтобы по главным улицам столицы этот обоз со стульями провезли, и глашатаев, которые всем встречным объясняли, что происходит. А поскольку большая часть приданого передавалась не деньгами, то грома пуховых перин, одеял, тканей и сундуков, которые выгрузили перед парадным входом¹, столицу впечаталила.

Ну и стулья, конечно.

А мог бы и на дуэль вызвать.

Танар же, осознав вдруг, что всё идёт не совсем по плану, затихли на некоторое время. А потом взяли и прислали матушку Карла. В положении, само собой. Вроде как мириться.

Понятно, чай, нервы нервами, но беременную женщину папенька точно не обидел бы. В отличие от небеременных мужчин с претензиями. Вот Танар и прибыла, и заявила, что была не права.

Всплакнула.

Бросилась на шею. И заверила, что теперь-то, всё осознав, готова составить собой счастье супруга, пусть даже и не единоличное, раз уж так получилось.

¹ Стоит заметить, что приданое было вопросом очень серьёзным, и если в сословиях низших оно обсуждалось устно, то уже купцы и дворяне часто составляли отдельный договор с перечнем буквально всего, что брала с собой невеста. И вариант «просто деньги» даже не рассматривался. Накануне свадьбы часто приданое привозилось в дом жениха, где и осуществлялась сверка со списком.

Честно говоря, о том периоде я знаю до обидного мало. Матушки рассказывали скупо, а от вопросов уклонялись и продолжают уклоняться, папенька лишь вздыхал, поднимал взгляд к потолку, и повторял своё, что, мол, не надо ему было тогда пить.

Тогда – это уже много позже, когда стало понятно, что вот-вот дети на свет появятся. А всё к тому и шло. И первым, само собой, должен был родиться Карлайл. Матушка его, которая, может, и прибыла, но не сильно ситуации радовалась, так и возвестила, что, мол, он родится первым, значит, будет наследником. И вообще он по сути единственный законный ребенок, что бы там остальные не думали. Эльфийская герцогиня, а может, принцесса, не согласилась, сказав, что её дитя по праву первородной крови изначально стоит над прочими, и потому, если кто и должен стать главой рода в будущем, то именно он. Матушка Анхен и матушка Нова ничего говорить не стали. Матушка Нова только однажды произнесла:

– А смысл было лезть? Я ж из простых. Купчиха. Куда мне с благородными равняться. Да и дар опять же. Сама понимаешь, одно дело, когда оба родителя одарены, и другое, когда лишь один. Унаследует ли дитя дар, какой силы? Какой бы ни было, а всяко послабее, чем от магички. Тогда я хотела лишь, чтоб здоровым родился. Ну и чтоб было, где жить. Домой-то меня, опозоренную, всяко бы не приняли.

И матушка Анхен, робко улыбнувшись, добавила:

– Верно. Мне и так хорошо было. Тихо. Безопасно. И никто слова дурного не сказал бы ни мне, ни дитяти. А первый там или десятый – какая разница?

Её логика мне тоже понятна. Ведьм нигде не любят. И изгнать могут, и на костёр вот, вместе с отродьем, отправить. Но кто ж станет связываться с нервным некромантом?

То-то и оно.

Споры по поводу того, кто главнее, становились всё чаще. И закончились тем, что первая жена, которая из Танар, потребовала у папеньки сказать при всех, что именно её сын будет наследником. Само собой, папенька о подобных вещах не сильно и задумывался. Где ему? У него вон следствие идёт.

Стройка полным ходом.

И принятие наследства, которое, как выяснилось, снова слегка усохло, поскольку выплыли вдруг некие закладные на земли. А принадлежащая Каэр фабрика оказалась проданной. С закладными и фабрикой взялась разбираться матушка Нова, что-то там ей весьма подозрительным показалось... после, конечно, стало ясно, что не показалось.

Ну, когда она предъявила встречные претензии.

Судебный иск.

Но это совсем уже другое.

Так вот, когда пред папенькой явились две благородные дамы, требуя, чтобы он вот взял и прямо на месте разрешил спор, он, я думаю, растерялся. Мало того, что одна жена, а вторая – эльфийка, так ещё и обе глубоко беременные.

Волнуются.

А волноваться им нельзя.

Скажешь одно, обидишь Танар. Скажешь другое – эльфийку. А чем оно способно обернуться? То-то и оно... папенька подумал и радостно вспомнил, что на сей счёт в Кодексе всё прописано.

Стать во главе рода Каэр может лишь некромант.

Тут я его понимаю и одобряю. Идеальное же решение. И по делу, и никто не виноват, если что. Обе дамы призадумались. Танар верно сообразила, что у неё, с её-то родословной, шансы повыше. Папенька ведь жену не по одному лишь богатству выбирал, но так, чтобы сила в семье была сходная, чтобы смогла и выносить, и родить.

Ну она и уверилась, что теперь-то уж точно главнее прочих будет.

Конечно, эльфийка, может, и забеременела от некроманта каким-то чудом, но вот чтоб ещё некроманта и родила... нет, тут вряд ли. И эльфийка поняла. Оскорбиться бы? Так повода нету...

На этом бы Карлушиной маман и успокоиться, но нет. То ли беременность на мозгах сказалась, то ли ситуация в целом, но начала она себя вести, как выразились обе матушки, недостойно.

Нехорошо.

При папеньке ещё лицо держала, а вот когда он отъехать изволил, что-то там надо было с тяжбою решать, которая по фабрике началась, то и разошлась вовсю.

Эльфийку, конечно, трогать опасалась.

Моя её просто не замечала. Феи вообще редко обращают внимание на то, что вокруг происходит.

А вот матушку Анхен и матушку Нову она изводила. Придирками. Насмешками, мол, что, кого бы они там ни выродили, судьба им – служить её сыну. А он уж позаботиться, чтоб отправили братьев туда, где им самое место – конюшни чистить. Потому как ни на что большее убогие они, дара лишённые, не годятся. Нет, скажите, были у этой женщины мозги, а?

Или всё-таки беременность так действует?

Может, конечно, так бы всё и вышло, но... феи – вообще донельзя странные существа. Логика их пониманию человеческому недоступна, если она вовсе имеется, потому как многие выражают сомнения на сей счёт, правда, крайне аккуратно, с оглядкой.

А Танар забылась.

И на маменьку мою как-то рявкнула, что ей вовсе бы упорхнуть в свою страну вечного счастья, а не крутиться под ногами, пытаюсь своё отродье приличным людям втюхать. Всем же известно, что феи рожают только девочек, а те силу матери не наследуют. Вот и кому девка-бастард да без силы нужна?

Матушка огорчилась.

Оскорбилась.

Вспомнила вдруг разом всё, что видела, слышала, но внимания не обращала. А тут обратила и задумалась. А когда фея начинает думать, остальным рекомендуется искать укрытие. Думала она не сказать, чтобы долго. Чего там думать? Очень её задела этакая жизненная несправедливость. А фее только дай возможность где-нибудь справедливость восстановить. И она решила, что нельзя так с детьми.

Что если дар, то всем.

Достала волшебную палочку.

Махнула.

И сказала, что, мол, все, рождённые от крови Каэр будут обладать даром великой силы. А поскольку мироздание не имело возможности фее отказать, как и преступить законы наследования, оно задумалось, потом хрустнуло да и раскрыло дар у матушек.

Это ж, если в роду каждого человека покопаться, какой-никакой, а маг сыщется.

Матушка Нова полыхнула да так, что свежестроенное крыло дома пришлось восстанавливать. С матушкой Анхен проще, характер у неё был миролюбивым и в целом спокойным. Да и сила ведьмовская суеты не терпит. Так что Танар покрылась уродливой сыпью, облысела и только.

А я вот тоже получила дар.

В природе же как, или от одного родителя достаётся, или от другого. Поскольку стать феей я не могла, мешала тёмная кровь, то благодаря матушке стала некромантом. Вот прямо в тот момент и в утробе...

Нет, не подумайте, что жалуюсь.

Я в целом даже довольна. Хороший дар. И жизнь неплохая. Всегда есть повод слинять из дома куда-нибудь на болота, а не ковыряться со счетами, бумагами или лентами к платью. Всё равно ведь по мнению Карлуши или оттенок не тот будет, или ширина, или узор неправильный.

Но если думаете, что на этом всё, то ошибаетесь. От волнений и душевных переживаний у Танар начались роды. Или просто срок подошёл? Конечно, тотчас отправили в город гонца, к папеньке, чтобы тот вернулся и заодно уж прихватил коронного регистратора. Ну, чтоб не ездить два раза и уж точно не тягать младенчика в город.

Роды принимала Анхен. Вот как раз к папенькиному появлению всё и закончилось.

Папенька взял на руки сына, признавая его, и велел наречь Карлайлом, в честь прадеда.

Коронный регистратор, которого папенька с собой действительно прихватил, торжественно открыл бархатную шкатулку, извлёк печать, воск зачарованный, бланк свидетельства о рождении, камень, должный определить наличие и направление дара у благородного новорожденного, а заодно уж и начертательную доску, чтобы внести запись прямо в Бархатную книгу Короны.

Камнем коснулись макушки Карлайла и...

Некромантом он не был.

Дальше просто. По завершении формальностей, папенька предложил регистратору это дело отметить. Тот отказываться не стал, решив, что задержится на часок-другой... в общем, задержался на неделю. Пока выпил. Пока похмелился. И снова. И почти уже протрезвел, как роды начались у матушки Анхен. А следом и матушка Нова подтянулась.

Регистрировать пришлось ещё двоих.

Ну и отмечать. Нехорошо же, когда за здоровье одного ребеночка выпили, а за других – нет. Неправильно.

И примета плохая.

К тому времени, как на свет появились мы с Киара, почти одновременно, хотя и в разных комнатах почти достроенного особняка, и папенька, и регистратор на ногах как-то держались. Папеньке помогали способности. Регистратору – немалый жизненный опыт и профессионализм. Амулеты к тому времени разрядились, а матушка Анхен была не в том состоянии, чтобы помочь. Так что соображали они, пожалуй, ещё меньше, чем матушка Карлайла перед началом этой истории. Потому как, когда появилась я, со своим даром некромантии, и типично-эльфийский Киара, папенька, вместо того, чтобы выразить радость, как от него ждали, впал в ступор.

Ну и в ступоре ляпнул что-то такое, что, мол, девка наследницей быть не может.

Маменька спросила, мол, почему?

Условие выполнено. И всё по-честному...

Ну а папенька, вместо того, чтобы придумать чего-то эдакого или отложить разговор на будущее, на более трезвую голову, заявил, что это не важно.

Что плевать ему на дар у меня. Что раз с этими детьми не вышло, то другие появятся... ну тут и маменька пришла в расстройство. И сказала, что других детей у него точно не будет, даже если он наизнанку вывернется.

И вообще, он слишком пренебрежительно относится к женщинам.

Что женщина – это тоже человек.

Нет, будь папенька потрезвее, он бы согласился. И правоту феячью признал бы хотя бы из соображений безопасности. Но в тот момент всё как-то и сложилось.

Нервы.

Переживания.

Разорённые земли. Статус Владетеля, который повис на волоске. Рухнувшие надежды на наследника... в общем, он возьми и ляпни, что женщина, конечно, тоже человек, но какой-то не такой. Что, мол, они нервные, или робкие, или истеричные, то и дело впадают в тоску,

влюбляются во всех подряд и забивают головы шёлковыми лентами и прочей ерундой. Что их дело – бисером вышивать, бренчать на лютне или растить цветочки. В общем, в этой жизни характер и яйца есть только у мужиков. На что маменька, тоже доведённая до крайности – мучишься тут, рожаешь, а он ещё и недоволен – рявкнула, что в этой семье характер и яйца будут только у меня. А всё то, о чём он говорил, достанется другим. Сказала и спохватилась, поскольку мироздание стало похрустывать, и добавила, что это образно мол. Что не буквально. За что ей большое спасибо. Мироздание, которому не пришлось выполнять буквальный приказ, тоже думаю, вздохнуло с облегчением.

В общем, на этом месте вроде бы как-то всё и закончилось. Ах да... Киара. Поскольку королевский регистратор всё это время проводил подле папеньки и пытался пить наравне – наивный человек, перепить некроманта не каждому дано – то и он был в слегка смятенном состоянии. Ну и ясность восприятия опять же утратил. А потому, выписывая новые свидетельства, немножечко ошибся.

Так появился Киара дэр Каэр.

И Кицхен дэр Каэр, маг и некромант...

То есть наоборот. Сперва Кицхен дэр Каэр, а уже потом Киара.

Тоже понять человека можно. Он помнил, что родились девочка и мальчик. И раз напротив имени Кицхен поставили отметку о даре некромантии, то логично, что второй ребенок – девочка.

Благо, что в книге, что в свидетельстве пол не указывается.

Вот...

Да и заметили-то это не сразу. А как заметили... папенька ринулся коронного регистратора искать, чтобы ошибку исправил. Но тот, памятуя о папенькином гостеприимстве, всячески от новой встречи уклонялся. Бегать за ним папеньке надоело и он сказал, что это сейчас – наименьшая из проблем. И вообще, какая разница? Матушка Киара согласилась и сказала, что звучит очень необычно и в духе традиций. Правда, чьих именно не уточняла.

Ну а мы по малости лет правом голоса не обладали.

Глава 8 В которой история получает развитие и в прошлом, и в настоящем

*Наши общие глаза встретились и мы замерли, взглядываясь в глаза.
Время как будто застыло вокруг.
О том, как сложна жизнь простого пришельца.*

Что было дальше?

Хотелось бы сказать, что наступили времена мира и благоденствия. Нет, может, где-то там и наступили, но только не у нас. Как-то вдруг оказалась, что свежееотстроенная усадьба не так уж и велика, если поделить её на пятерых женщин.

Младенцы-то что, мы, следует сказать, вели себя сообразно возрасту: лежали смирно в колыбельках, ели, спали, пачкали пеленки и в целом не особо задумывались о грядущем. Нашлось и без нас, кому подумать.

Матушка Карлайла, оправившись после родов, огляделась, осознала реальность и потребовала пересмотреть условия.

Ведь понятно же, что наследником должен стать её сын. Карлуша и родился первым, и от первой, раз уж так получилось, что не единственной, жены, и вообще всем хорош. Даже дар у него близкий к некромантии. Если подумать, не сильно-то отличается. А со связями рода Танар на этакое малое расхождение в Королевском суде и вовсе глаза закроют.

Потом.

Когда придёт пора наследования.

Моя матушка, понявчившись с младенцем, вовсе пришла к выводу, что не феячье это дело, пелёнки менять. И однажды просто упорхнула, оставив записку, что желает нам счастья и всяческого добра.

Ну и будет меня навещать.

Иногда.

Феи, говорю же. Чего от них ждать.

Нет, слово матушка сдержала. Она являлась на каждый мой день рожденья, осыпая окрестности блёстками и нездоровым позитивом. Щипала меня за щёчки, дарила какую-то ерунду вроде зачарованного гребня – Киара, кстати, весьма оценил – или хрустальных туфельек.

Хотя чего уж. На туфельки я у Карлуши меч выменяла. Он их очень любил и до сих пор, знаю, в шкафу прячет. Так что в принципе, туфельки – это даже неплохо.

Бисер, иглы и зачарованный веер тоже нашли своё применение. Так что жаловаться мне грех. Я и не жаловалась. Это скорее матушка, глядя на меня, тяжело вздыхала, поджимала губы и приходила в огорчение. Вот только сделать ничего нельзя. Есть у феячьеи магии такая особенность – необратимость сотворённого. Оно и понятно, с их характером в ином случае ни одно мироздание не вынесло бы постоянных перемен.

Так что жили, как жили.

Я подаркам старательно радовалась, с возрастом даже искренне – когда начала понимать, на что их сменять можно – она получала подтверждение, что состоялась как мать. И с лёгким сердцем упархивала до следующего года, оставляя эти треклятые блёстки и смутное ощущение собственного несовершенства. Нет, она не говорила ничего такого. Напротив, всегда была мила и называла меня очаровательной, но... я знала, что похожа на отца. Я единственная из всех действительно на него похож. И не скажу, что это радовало. Тогда. Раньше. Потом пришло понимание, что и в такой внешности есть свои плюсы.

Но ладно.

Второй, чуть позже матушки, отбыла эльфийская дева. Вдруг осознала, что слишком юна – и первую сотню лет не разменяла – чтобы связывать себя детьми. Тем более от некроманта.

Пыл любви угас.

Будни стёрли налёт романтики, да и в целом-то, подозреваю, что чувство ушло вместе с блестками. Главное, что и она не задержалась. И в отличие от моей маменьки, решила не возвращаться. Хотя подарки Киара присылала и, следовало признать, весьма полезные.

Где бы он ещё семена лотоса достал? То-то и оно...

Правда, осечки случались, но это ладно... Не скажу, что отъезд её кого-то опечалил. Скорее наоборот – меньше народа, как говорится, легче дышать. Матушка Нова и матушка Анхен взяли на себя хозяйство, которое постепенно разрасталось. Ну и нами занимались. Конечно, папенька озаботился, чтобы у нас были и няньки, и кормилицы, и в целом-то... но почему-то даже я помню их смутно. А вот как матушка Анхен напевает песню – отлично.

И что спится после этой песни хорошо.

И сны чудесные.

Помню, как тихонько латает платье, которое я опять порвала, и утешает, что прореха – это же мелочь. А бархат, пусть дорог, но не настолько, чтобы лить слёзы. И как матушка Нова раздаёт сахарных петушков, которых привезла из города.

Многое помню.

А теперь многое и понимаю.

Мою матушку и эльфийку Танар ещё как-то опасалась, а вот когда они покинули дом, решила, что можно всё переиграть. Правда, тут папеньку знать надо. Может, конечно, он и не слишком обрадовался, что родовая сила досталась мне, но она была.

У меня.

И это что-то да значило. В частности то, что Танар он отказал. Да, если бы у него появился сын-некромант, меня бы подвинули. Но... но сына не было.

А я вот, имелась.

И матушка Анхен, и матушка Нова, которых он наотрез отказался усылать куда-то там подальше. И не действовали ни угрозы, ни слёзы, ни причитания.

В итоге матушка Карлайла однажды вышла прогуляться и не вернулась. И Карлайл, которого она разнообразия ради решила взять с собой на прогулку, тоже не вернулся. А потом пришло письмо.

Читала я его.

Уже потом, после смерти отца.

Красиво писано было. И про униженное достоинство. И про гнездо разврата. И про бастардов, которые должны быть лишены всех прав, если отец хочет, чтобы она вернулась. А если нет...

Матушка Анхен сказала, что они очень переживали тогда. Не за неё. За Карлушу. Он всегда был нежным.

И вот тут я согласна. Что естьто есть. Прекрасно помню, как он приходил ко мне, жалуясь на чудовище, живущее под кроватью, и мы шли воевать. А потом засыпали в одной постели. Или он в постели, а я под ней, потому что очень хотелось добыть это самое чудовище. Но это потом, много позже.

Тогда отец уехал.

И вернулся с Карлушей и разводом. И ещё клятвой, которую дала Танар и не только она. Вряд ли, конечно, добровольно, но... это дела прошлые. Он не запрещал ей видеться с сыном. Несколько раз сам отвозил Карлушу в столицу, только что-то с этими поездками не ладилось.

Карлуша возвращался совсем тихим, несчастным. И от него этой тоской заражался Киллиан, а Киньяр начинал нервничать, в результате чего то и дело случались пожары. От этого

Киньяр нервничал сильнее, Киллиан заболел, причём всякий раз делился заразой с остальными... в общем, как-то не шло оно на пользу. Поэтому поездки и прекратились.

А может, и не поэтому.

Главное, жить стало спокойней.

Знаю, что матушка Карлайла снова вышла замуж и даже будто бы за герцога. Знаю, что в новой семье у неё трое сыновей. Но... это другие люди. Чужие. Мы давно уже усвоили, что Каэр должны держаться вместе. Так проще выжить.

Я выдохнула.

Надо будет наведаться в город, поговорить с хромым Игисом. Есть у меня кое-что, чего он хотел бы получить. Пусть попробует с сапогами этими помочь. Вот не верю я, что всё так неозвратно.

– Киц! – вопль вырвал из дрёмы, в которую я почти погрузилась.

Чего опять?

Сосна-таки рухнула?

Я выглянула в окно и убедилась, что нет, не рухнула. Наоборот, выпрямилась, даже будто бы повыше стала. И ветки растопырила во все стороны, стоит, зеленеет. И лужайка под ней, если не прежняя, то почти неотличимая.

В общем, порядок.

– Чего?

– Матушка прислала, – Киара продемонстрировал мелкого сокола, который устроился на макушке. – Возвращается...

– Сегодня? Они ж неделю планировали.

Случилось что-то?

Определённо.

– Какой-то там приказ. Но он толком не понял.

Сокол сунул голову под крыло. Ну да, ведьмы умеют говорить с животными, но это не значит, что животные адекватно передадут послание.

Ладно.

Главное, лужайка на месте, сосна тоже наличествует, и в целом выглядит всё прилично.

Приказ. Вот что за приказ может быть?

Матушка Анхен явилась ближе к вечеру, в сопровождении Киллиана, столь мечтательно-печального, что становилось понятно – в его голове зреет очередная баллада.

Чтоб...

Куда бы уехать на недельку-другую? Под Вигхвиллем я уже была, там тихо и спокойно. На болота? Дальше по тракту? Если дня на три пути в одну сторону, потом в другую, глядишь, и найду, к чему силу применить. Или нет. К сожалению, после той поездки, папенька всерьёз озаботился безопасностью окрестных земель. А потому куда ни направляйся, путь будет спокоен и тих.

Ладно. Дня два в запасе имеются.

И отосплюсь.

И придумаю повод свалить до того, как Киллиан за мандолину возьмётся, выплёскивая на окружающих новое великое чувство.

– Что у вас тут случилось? – матушка Анхен легко соскочила с коляски.

– Ничего, – Карлайл сказал и глазом не моргнул.

– Тогда почему дэр Туар извиняется за причинённые неудобства и нанесённый ущерб?

Вот молчал бы, а? Как не надо, так он сразу вежливый и предупредительный.

– Так... мелочь. Ерунда. Мы уже всё восстановили, – заверил Киара и поспешил добавить. – Лотос начал цвет набирать! И первые бутоны появились!

Это он про свои эксперименты в заливе? На месте, где некогда находилась усадьба Каэр, теперь образовался залив. Маленький такой. Рыба в нём не водилась. И вообще ничего не водилось. А местные быстро сочинили историю про проклятье неуспокоённых некромантских душ. Хотя дело было не в душах, тут Карлуша клялся любимыми щипцами для завивки, а в остаточном уровне магической энергии, которой в местах тех стало слишком много.

– Чудесно... – сказала матушка Анхен, но как-то не слишком радостно. – К сожалению, у нас возникла проблема.

– Это не я! – Киньяр замотал головой. – Я ничего не сжёл!

Я попыталась вспомнить, но ничего такого в голову не приходило.

– Если чьи-то поля потоптали, то это не Скотина, – сказала я на всякий случай. – Мы только ночью вернулись.

– Дело в короне, – матушка погладила сосну, и та загудела.

Так, а короне мы чем не угодили? Вроде задолженностей по налогам нет. Ставка, конечно, особая, но так ведь действовала она не одну сотню лет.

– Кое-кто из родичей Новы...

Да, у матушки Новы было какое-то невероятное количество родичей, которые, впрочем, предпочитали держаться на расстоянии. Но иногда приходили на помощь.

Не бесплатно, само собой.

– ...сообщил, что вышел приказ о направлении вас на службу, – произнесла матушка Анхен, чуть поморщившись.

– На службу? – Карлуша, кажется, даже про утраченные сапоги забыл.

Да и я, честно говоря, удивилась.

Хотя...

Ну да. Формально, Каэр больше нельзя считать вымирающим родом, вон, четверо мужчин. Двадцать лет нам исполнилось не так давно, вот корона и вспомнила.

– Со дня на день приказ передадут, – матушка Анхен сняла перчатки. – После чего у вас будет семь дней, чтобы собраться и отбыть к месту назначения.

– В столицу? – с робкой надеждой поинтересовался Карлайл.

О столице он мечтал давно.

– В том-то и дело, что нет, – матушка поморщилась. – И это странно... весьма странно, поскольку вас должны были бы направить в один из полков, расквартированных близ столицы, для оценки способностей и в целом-то... А к дальнейшему месту службы – уже после обучения.

Которое занимает от четырёх до шести недель.

Это я читала.

– А нас, значит...

Чтоб.

Не нас. Их.

Братьев. Женщины не служат. И... как-то мне это уже не нравится.

– Именно. Вас, если не произошло ошибки, направляют сразу в Приграничье.

Очень интересно.

Прямо настолько, что поневоле в голову мысли лезут, разные, но одинаково поганого свойства.

– Я не могу служить! – возмутился Киара. – У меня лотос цвет набирает! Ещё пара недель как минимум, не говоря уже о том, что я надеялся продлить выход до осени! Извини, матушка, но ты не справишься!

И это правда. Матушка Анхен многое умела, в том числе и с растениями обращаться, вот только эльфийский белый лотос – это не просто растение.

Это магия.

И та самая, которую услышать способен лишь эльф. Ну или на худой конец, полукровка, феей проклятый, а потому по силе мало чистокровному уступающий.

– Если я уеду сейчас, то... то самое большее, успею бутонів пять вытянуть, – Киара нахмурился. – Мало.

Эльфийский лотос – это не просто цветочек. Честно говоря, цветочек из него никакой, хотя братец и утверждает, что я слишком груба, чтобы проникнуться тонкой эльфийской эстетикой. Но что там красивого? Белесые полупрозрачные лепестки, которые на солнечном свете почти не различимы, и хрустальная середина, где вызревают мелкие семена.

Дело не в красоте.

Дело в том, что эльфийский лотос – это две дюжины зелий высшей категории, за каждое из которых платят живым золотом и не торгуясь. А золото нам нужно.

Очень нужно.

Сундуки, которые папенька когда-то притащил, не бездонные ведь. Тем паче многое ушло. Кое-что на строительство усадьбы. На возвращение приданого Танар. На реорганизацию фабрики, которую в конечном итоге удалось отсудить. Выкуп закладных – часть оказались-таки настоящими. Да и тот развод обошёлся недёшево. Нет, можно было бы и не платить, а пойти в королевский суд, но... папенька понял, что тогда всё будет долго, грязно и тяжело. В том числе для матушек, которых Танар потребовали бы привлечь в свидетели, ссылаясь на нарушение отцом брачных обетов, и для нас.

И вообще...

Откупился он. А суммы я узнала лишь после смерти.

Добавлю, что и жить мы привыкли, мягко говоря, не слишком себя стесняя.

Нет, и фабрика, и земли доход приносили. Матушка Нова умудрялась справляться и с тем, и с другим, причём успешнее, чем мои дядя, дед и прадед вместе взятые. И арендаторов нашла. А как Киара начал в силу входить, так и вопросы с нестабильностью урожаев сами собой разрешились.

Какая нестабильность, когда эльф под боком?

Но всё равно, этого было маловато.

– Есть ещё кое-что... вот об этом, дети, я бы и хотела поговорить, – матушка сняла перчатки и убрала их в сумочку. – Кажется, при составлении этого приказа была допущена ошибка. И в список тех, кто должен явиться на службу, попала ты, Кицхен.

Глава 9 Кое-что об эльфийских девах и законах

*Турнир прошел успешно, в нем участвовало 3/2 участника. От Гарри остался только шрам и зелёный глаз.
О влиянии математики на жизнь.*

Я?

Хотя...

Ну конечно.

Отец ведь воспользовался правом Владетеля и состоянием несчастного коронного регистратора, а потому в Бархатной книге есть только имена. А с именами, как я уже говорила, получилась небольшая путаница. И с точки зрения нормального человека – опыт подсказывает, что таких в мире всё-таки больше – Киара выглядит более женственным именем. Разве ж нормальный человек знает, что Кицхен – это, если верить матушке, криасская кошка. Такой вот характерный обитатель сумеречного мира с огромными тёмными глазами и пушистым мехом.

Ну и клыками с папенькин палец.

Но это ж мелочи, право слово. И вообще, какой дурак кошечке в рот полезет? Найдётся такой? Сам виноват. Говорю же, логика у фей своеобразная. Но я не в обиде.

Особенно сейчас, относительно нашей ситуации.

– Так это ж замечательно! – прямо от сердца отлегло.

– Ты полагаешь? – матушка нахмурилась. – Пока мы можем ошибку исправить. Достаточно будет явиться к регистратору и предъявить... вас...

Она рукой махнула.

– Ну, просто предъявить, полагаю, будет недостаточно, – Карлуша забросил ногу за ногу. – Извини, Киц, но из вас двоих...

И пальцем указал сперва на меня, потом на Киара, который фыркнул и обиделся. Как и подобает эльфу, обиду он выражал ледяным молчанием и презрительным взглядом, направленным куда-то вдаль. Но за двадцать лет совместного бытия и к тому, и к другому у нас выработался иммунитет, а потому мы в очередной раз обиду просто не заметили.

– ...на девицу больше похож он, – договорил Карлуша.

А главное, не поспоришь.

– И это тоже хорошо. Никого мы предъявлять не будем. Смотрите, – я щёлкнула Карлушу по носу, чтоб не зазнавался. – Чтобы дорастить лотос нужен Киара? Так?

– Так, – согласилась матушка.

– А от меня в этом толку никакого. Я и близко не лотосовод.

Скорее уж я могу одним своим появлением весь лотос ухайдокать. Цветочек, как говорю, магический, а эльфийская магия тёмную силу на дух не переваривает.

Ну, в большинстве случаев.

– Зато там я буду как раз при деле. Наверняка ждут некроманта, поэтому сразу и направили к месту службы.

Некромантов, сколь знаю, крайне мало. И работать они предпочитают на себя.

– Вот и дадим им некроманта. А Киара останется с цветочками.

– Не знаю, Киц. Это как-то... неправильно, – матушка явно думала о чём-то подобном, скорее даже не она, а матушка Нова, которая наверняка успела заключить договора под это вот треклятый лотос. А если не договора, то всяко устные соглашения. – Ты же девушка. А там служба. Крепость. Лишения. Тебе будет сложно.

– Вряд ли сложнее, чем бродить по болотам и гонять нечисть, – Карлуша прищурился.

– Её тут почти и не осталось, – вздохнула я, прикинув, что там, на неведомом Пограничье, наверняка места менее обжитые, а потому и более перспективные. Ну, в плане охоты.

Может, у них там вообще завёлся кто-нибудь этакий, редкий, если про некроманта вспомнили?

Так, радость проявлять пока рановато.

– А если кто-то проверить решит? – Киллиан всегда отличался осторожностью, даже робостью. И сейчас вот сидел, руки на коленях сложив и видом своим выражая категорическое несогласие с обманом. – Проверит и узнает, что ты... ну...

– Девица, – помог ему Карлуша.

Киара отвернулся в другую сторону, верно, надеясь, что если он и дальше будет хранить ледяное молчание, Карлуша извинится.

Ага, двадцать лет не извинялся, а теперь вдруг возьмёт и проникнется.

– Сомневаюсь, – ответила я Киллиану, – что там настолько отмороженные люди служат, чтоб полезть в штаны к некроманту. А лицом я пошла в папеньку.

И фигурой, что характерно, тоже. Матушка-фея очень по этому поводу переживала и даже по секрету сказала, что, если вдруг захочу, она мне сиськи наколдует. Я вежливо отказалась.

На кой некроманту сиськи, а?

И порадовалась, что она всё-таки сперва спросила, а не как это обычно, взяла и сделала мне хорошо по собственному усмотрению.

– Будете обращаться ко мне, как к мужчине, и всё прокатит.

– А если не смогут? – Киллиан всё ещё был полон сомнений. – То есть сможем? Мне вот непривычно будет.

– Я помогу, – пообещала матушка Анхен. – Небольшое проклятье, и при ошибке на языке выскочит чирей.

Да, методы воспитания в нашей семье сложились своеобразные, но при том, следует признать, крайне эффективные.

– А если всё-таки узнают? – Киллиан поёжился, точно ему от одной мысли об этом стало дурно. – Ну как-нибудь. Случайно.

– Вообще-то, – Киньяр заговорил тихо и задумчиво. – Кодекс не запрещает женщинам служить. А поскольку Кицхен является признанной главой рода, то она в праве руководствоваться при принятии решений именно Кодексом. Если добавить факт наличия именного приказа, то выйдет, что она лишь выполняла волю короля.

– То есть скрывать ничего не надо? – уточнил Киллиан.

– Надо, – я мотнула головой. – Потому что приказ просто-напросто перепишут. А так... если вдруг что и выплывет, всегда можно сослаться на Кодекс. И на приказ, который мы исполнили в меру своего разумения. И на прочее вот всё то, что Кин сказал.

– Но мы же будем обращаться к тебе, как к мужчине. И значит, поддерживать обман.

Мысль об этом явно мучила тонкую натуру братца.

– Это не обман. Это... это мы просто не будем разрушать чужие заблуждения. Мы и не обязаны, – сказала я. – И вообще, в каждом роду свои особенности. Может, в нашем так вот сложилось, что наследник по умолчанию считается мужчиной, даже если он женщина.

На меня посмотрели все. Даже Киара передумал обижаться. Ну или отложил обиду на более подходящее для её выражение время.

– Это если спросят, – поспешила заверить я. – А если не спросят, то зачем что-то говорить?

А если спросят, можно будет приподнять бровь, как это папенька делал, и, вперившись взглядом в собеседника осторожно так поинтересоваться, мол, в своём ли вы уме, сударь, этикие вопросы задавать? Ну а дальше по ситуации.

А что?

Чем дольше я думала, тем больше нравилась идея.

Может получиться. Должно получиться.

Мы не солдаты. Офицерам полагаются личные покои. Даже если не совсем личные, можно будет поселиться с кем-то из братьев, только не с Киллианом, он, когда влюбляется, и во сне продолжает баллады бормотать и вздыхать над рифмами. И не с Карлушей, потому как от его присыпок и примочек у меня почесуха начинается.

То есть аллергия, если по-благородному.

И не с Киньяром. Он баллады не бормочет, но имеет дурную привычку напевать время от времени. Пусть и тихо, но на нервы-то действует.

Да уж, задача.

Ладно, на досуге подумаю.

– А я тогда как? – Киара всё-таки понял, что обида – это не продуктивно, и вернулся к обсуждению.

– Останешься за меня, – я пожала плечами. – Есть ощущение, что это вот – неспроста...

– Именно, – матушка Анхен посмотрела на меня виновато. – Сюда направляют два десятка гвардейцев. Вроде как для защиты земель. И командует ими некий молодой перспективный капитан. Холостой, прошу заметить.

– Думаете, не совпадение?

– Нова практически уверена. Молодой столичный, но бедный, как церковная мышь. А тут юная и прекрасная...

Я.

Да уж, сочувствую капитану. Серьёзно разочаровался бы, если бы я осталась.

– Наверняка он пожелает нанести визит. Тем паче, что это будет и уместно, и правильно.

И встретив здесь не наследницу, а наследника, доложит. А оно нам надо? Оно нам не надо.

Я внимательно посмотрела на Киара, и Карл тоже посмотрел на Киара, причём так, задумчиво и оценивающе. И все посмотрели. А Киара, кажется, начал понимать, к чему всё идёт.

А что, черты лица у него утончённые.

Кожа белоснежная. Брови вразлёт. Очи, как и подобает приличному эльфу, зеленые, ресницы – длиннющие. И коса имеется. Натуральная. Платиновая. И ниже пояса.

– Знаешь... – голос Карлуши был полон предвкушения. – А ведь знал, что в платьях он будет смотреться лучше.

– Нет, – братец мотнул головой. – Нет, нет и нет...

– Тогда служить, – ослабилась Карлуша. – В приграничной крепости, вдали от полей, садов. Там, небось, один камень кругом. Или болота со всякой поганью!

– Мама, он надо мной издевается! – Киара указал на старшенького пальцем.

– Это ты надо мной издевался, когда пудру спёр!

– В ней высокое содержание экстракта жемчуга, а он нужен для укрепления стеблей!

– У тебя был свой жемчуг!

– Цельный! А требовалась мелкая пудра! И вообще, я же обещал, что верну и вернул!

– Жемчугом! Мне что, жемчуг на лицо сыпать?!

– Тихо, – произнесла матушка Анхен и стало тихо. – Киара, если ты не захочешь, то мы просто отправимся в город и действительно проясним ситуацию.

Вот только тогда его лотосы погибнут, в осеннем урожае яблок понизится содержание сахаров, груши утратят лёжкость, а зерно и вовсе начнёт осыпаться. Потом нагрянет армия плодоярков, чтобы довершить разорение. Я прямо видела, как Киара раздирают противоречия.

– Я успею сшить пару-тройку платьев, – глаза Карлуши блестели. Он и вперёд подался. – Да и не обязательно носить их постоянно. Извини, Киара, но ты в матушку пошёл... в смысле, обычному человеку отличить прекрасную эльфийскую деву от не менее прекрасного эльфийского юноши сложно. У вас и анатомия чуть другая. Так что шею можно и не скрывать.

– Не настолько другая, – произнёс Киара мрачно.

– Ну, полагаю, что до полного сравнения дело не дойдёт.

– Извращенец!

– Но голос всё равно грубоват.

– Настойка темнокоренника смягчит, – матушка сказала и смутилась. – Нова тоже полагает, что это реальный вариант.

Как я и говорила.

Обсудили. И службу. И лотос. И контракты с предварительными договорённостями.

– Тебя никто не заставляет выходить за него замуж, – произнесла я успокаивающе. – Покажешься пару раз, улыбнёшься, потом обдашь своим холодом, сыграв в обиду, и всё. Сиди. Выращивай свои лотосы и что там ещё. Тем более служба эта, она ж только на год?

Это мои славные предки могли позволить отдавать и пять, и десять лет жизни, и хоть всех себя возлагать на алтарь служения идеалам. Впрочем, последнее – это скорее к слову. Так-то некроманты – народ глубоко практичный, а потому склонный искать компромиссы между идеалами и реальностью.

– А год пролетит быстро, ты и не заметишь.

– А если всё-таки кто-то узнает, что он... что не девица... – Киллиан всё ещё нервничал. И его беспокойство передавалось дому. И стена заскрежетала, готовая выпустить трещину.

– Кто, например?

Слева от нас река, с другой стороны – болота. Из соседей остался дэр Туар, потому как после того нападения прочие предпочли продать земли короне и убраться подальше от опасных земель, над которыми повисло проклятье некромантов.

Земли передали кому-то там.

Сдали.

И пересдали.

В общем, с теми людьми мы знакомы не были.

Наши арендаторы? Их немного. Да и общаются они с матушкой Анхен. Нас, если и видели, то очень издали. Отец с его опасением за род не спешил привечать посторонних. Да и нам привычка передалась.

Слуги?

Их тоже немного и все связаны клятвой. Так что болтать не станут, ибо не смогут.

Город? Я туда навевалась изредка, но не в места, по которым прилично гулять молодым дамам. Да и дамой меня там не считали, так уж повелось.

В городе матушки бывали.

Киллиан тоже. Киньяр периодически забирал книги, которые выписывал из столицы. Карлуша пару раз пытался посетить оперу в надежде завязать интересные знакомства, но что-то пошло не совсем по плану. Точнее, было как обычно. То естественное общество предпочитало нашу странную семью игнорировать. В общем, некому там хвастать тесным знакомством. Разве что...

– Дэра Туара я возьму на себя, – сказала матушка Анхен и слегка порозовела. Вот! Я так и знала, что его свиньи не просто так к нам заглядывают.

Но вообще... почему бы и нет?

Он не так и стар.

Холост.

А что с придурью, так не нам на это жаловаться.

– Подыграет? – Карлуша задумался. – Хотя... если ему взятку дать?

– Взятка – это принимаемые должностным лицом материальные ценности, как то предметы, деньги, услуги, иная имущественная выгода за действия либо бездействие в интересах взяткодателя или третьего лица... – начал было Киньяр, но осёкся. – Я о том, что поскольку герцог не является должностным лицом, то классифицировать подарок ему как взятку нельзя.

– Тогда тем более надо дать, – Карлуша мыслил практично. И в данном случае я была всецело с ним согласна.

– Подарок. Мы сделаем ему подарок, присовокупив к нему маленькую просьбу, – матушка улыбнулась. – Помнится, он весьма восхищался моими розами...

Розами ли?

Пускай себе и розами.

– А если добавить баклагу твоего особого удобрения, думаю, просьба прозвучит куда более... значительно.

– Добавим, – Киара вздохнул. – Стало быть... чтоб... Карлуша! Никаких кружев, ясно!

– Приличные девы любят кружева!

– Тогда я буду неприличной девой! – рявкнул Киара. – Если платье будет с кружевом, я его не надену!

– Ладно, ладно, понял. Будем создавать стиль провинциального минимализма с лёгким налётом эльфийскости. С поправкой, так сказать, на кровь, – Карлуша поднялся. – Думаю, получится интересно... только, братец, ты, главное, не позволяй этому гвардейцу юбки задирать. А то неудобно получится.

– Закон и Кодекс не запрещают носить женскую одежду, – подал голос Киньяр и получил мрачный взгляд.

– Знаете, – протянул Киара презадумчиво. – Я вот даже не знаю, то ли мне смешно, то ли мне прибить вас хочется.

Глава 10 Кое-что о прошлом

*На груди моей рассыпью покоились шрамы, словно меня разобрали собаки или резали очень долго ножом.
Из очень личного дневника.*

К дэру Туару было решено отправиться вместе. Во-первых, матушке без сопровождения как-то неприлично. Во-вторых, хотелось обсудить некоторые вопросы с глазу на глаз.

И не только мне.

– Что ты обо всём этом думаешь? – спросила матушка, щёлкнув языком, и лошадка припустила бодрой рысью.

– Пока не знаю, но мне не нравится. Слишком всё внезапно. Да и одновременно. Почему сразу всех четверых? Ведь можно было призывать по одному. Или вдвоём? Прошли бы службу не за год, а за два... – я озвучивала мысли и убеждалась, что легче не становится. Напротив, облечённые в слова, они обретают куда больший вес.

– Именно. Нова такого же мнения.

– Формально они правы. Мы должны были отслужить в восемнадцать, а нам уже по двадцать. Через год – двадцать один. Но всё равно как-то глупо. Забрать из семьи всех магов, а взамен, для охраны отправить гвардейцев. Это накладно. Они ведь не у нас квартировать станут.

Не хватало ещё.

– В городе, – подтвердила мои мысли матушка Анхен.

– Именно. То есть казна платит за перевозку, за постой, прокорм лошадей... чего ради?

– Нова говорит, что трое её дальних братьев сворачивают дела в Танерии. Что там всё становится... сложно, – матушка Анхен всегда выбирала слова помягче.

– Очередное обострение?

– Да.

А нас отправляют в приграничье, всех скопом.

– И к чему она пришла?

– А ты?

– Я... да, пока ни к чему нормальному. Отправить четырёх братьев куда подальше, девица останется одна-одинёшенька. Будет в тоске и печали. А тут кавалер из столицы с серьёзными намерениями.

Это не интрига, это... это даже обидно.

– Ты поэтому поддержала идею? С тем, чтобы я ехала.

– Не скажу, что она мне нравится, – матушка Анхен чуть поморщилась. – Извини, Кицхен, я знаю, что ты умная, и сильная, и способная. Но порой мне кажется, что ты нарочно пытаешься быть более мужчиной, чем оно нужно. И дело не в проклятье. Дело в том, что тебе почему-то отчаянно не хочется быть женщиной. А это не совсем правильно.

Может, и так.

Как-то не задумывалась.

– Но сейчас, пожалуй... видишь ли, если этот человек приедет тебя очаровывать, то как знать, чем он воспользуется. Есть зелья, способные внушить чувство. И да, я знаю, что отец позаботился, что ты мало восприимчива к ядам. Но не все они яд. И есть такие, которые распознать сложно.

Запретные привороты?

Да, это действительно может быть проблемой.

– А Киара? Если его приворожат?

Прямо захотелось остаться и понаблюдать за процессом.

– Мужчины всё-таки иначе устроены. Любая ведьма знает, что приворот, сваренный для женщины, на мужчину не подействует. И наоборот. Разные травы. Разные заговоры. Разные силы. А уж если мужчина наполовину эльф...

Лошадка фыркнула и оглянулась.

– Нет, – сказала ей матушка. – Пока не надо бежать, дорога неровная. Вечно ей беспокоится. Но я скорее за вас волнуюсь. Без тебя мальчики не справятся. Они... сильные, но...

Но сила – это ещё не всё.

– Я присмотрю, – пообещала я. – Всё будет хорошо.

– Хотелось бы.

– А тут... вы тогда, если что, пишите. Камни заряженные я оставлю. Ключ-слова вы знаете. Если вдруг, не стесняйтесь активировать.

Матушка кивнула. И ответила мне моими же словами:

– Всё будет хорошо.

И мы сделали вид, что верим друг другу.

Нет, я верила. Не матушке, но отцу, который годы потратил, чтобы защитить новый дом. Камней надо будет зарядить побольше. Проверить перед отъездом спящие ловушки. И воронов оживить, чтобы была связь. А то сокола эти вечно половину забудут, половину переврут.

К тому же кроме Киара их никто не понимает.

А с воронами проще. Привязал к лапке записку и пускай себе летит. Мертвый ворон ни на охоту, ни на другие глупости не отвлечётся.

– К слову, как тебе наш сосед? – я решила сменить тему.

– Очень достойный человек, – недогнущим голосом произнесла матушка Анхен. – Обходительный. Начитанный. Увлечённый...

Ага, последнее особенно мило.

– Ты ему нравишься.

Вздых.

Значит, не секрет. С другой стороны, если даже я этот интерес заметила, то матушка Анхен и подавно.

– А он тебе? – уточнила я.

– Он весьма видный мужчина, у которого всё-таки имеются определённые обязательства перед родом.

– Что-то он не спешит их исполнять.

А то давно бы женился, потому как неженатый герцог – это, можно сказать, нонсенс. Даже при всех его увлечениях.

Ещё один вздох. И взгляд в небеса.

– Или он тебе не нравится? – а то может, я тут зря планы строю и строить надо совсем иные.

– Он мне цветы поднёс. Розы.

– Не те, случайно, которые Скотина сожрал?

Неудобненько тогда получилось. Но кто ж знал. Прежде Скотина предпочитал жрать вещи более приземлённые и доступные. А тут отмахал пяток миль и всё ради роз.

Душа его, видите ли, прекрасного захотела.

– Нет, конечно. Те обычные были.

Ага, а встали нам, как элитные.

– Доннал вывел уникальный сорт. С нестойким окрашиванием. Концентрация пигмента зависит от солнечного света. И днём розы становятся почти чёрными, но с наступлением вечера светлеют. Он поднёс два куста. В вёдрах.

– А ты?

– А я... я глупость сделала.

– Отказалась?

– Приняла.

– А почему тогда глупость?

Глупостью было бы отказаться, потому что подарки – дело такое. Нечасто они нам перепадают.

Матушка поглядела с печалью.

– Или ты до конца жизни по папеньке страдать собираешься?

– Кицхен!

– Ма, в самом деле... может, у вас и была любовь, но давно уже сгинула. Я же не слепая.

Видела.

– Он был хорошим человеком.

– По-своему, но вот не сочиняй, что святым. Он ведь ни одной юбки пропустить не мог.

На том, собственно, и погорел.

Впрочем, матушка несколько не огорчилась, глянула на меня и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, когда заводишь кота, не стоит рассчитывать, что он научится лаять и приносить тапочки. Твой отец был таким, каким был. И я с самого начала понимала это. А ещё он был заботливым. По-настоящему. И о нас беспокоился тоже по-настоящему. Ему ведь не обязательно было устраивать всё это...

– Многожёнство?

– Да. У него имелась жена. А мы... кто я? Или Нова? Она – дочь торговца-ихлиса, а я и вовсе деревенская ведьма. Многие на его месте и не стали бы ввязываться в эту авантюру, портить репутацию. Построили бы домик где-нибудь в стороне. Или вовсе поселили бы в городе, как это часто делают. Детей можно было признать и без брака. Конечно, все бы и всё знали, понимали, но...

Это было бы прилично.

При всей лицемерности – прилично.

Танар и та приняла бы правила игры, сделав вид, что ничего-то эдакого не происходит, и она вообще в неведении. Но тут я понимаю. Не с прямым характером папеньки в эти игры играть.

– Ему казалось, что он нашёл удачный вариант. Он опасался, – матушка Анхен поморщилась, но потом всё-таки сказала. – Он полагал, что те происшествия в дороге, что они не случайны. Как и некоторые другие.

– Какие?

А о других я и не в курсе.

– Было несколько покушений.

– На отца?!

– И на него. Мне прислали отравленные перчатки. Подарок от неизвестного поклонника. Я тогда была достаточно наивна, чтобы... – она потёрла руку.

Вот откуда эти пятнышки белоснежной вытравленной кожи.

– Тогда только появление твоей матушки и спасло, что меня, что Киллиана. На Нову едва не рухнула балка, когда она пришла на стройку. В отца стреляли. Кто – не удалось найти. Здесь в первое время было много людей и далеко не все из них испытывали любовь к роду Каэр. Тем паче, что отец и в столице успел нажить изрядно врагов. Первое время за нами по пятам следовали мертвецы, настолько отцу было неспокойно. Но отец понимал, что такой охранник защитит от простого нападения, но не от яда или иной придумки. Потом был гримх, который вдруг объявился, хотя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.